

ПЕРЕЗРОДА

„ПЕРЕЗВОНЫ“ „PEREZVONY“

№ 35 (8) — 1927 г. Августъ.

Рига, Редакция и контора L. Kalēju ielā 43
Телефонъ 22176 и 23423

Цѣна номера 1 латъ (50 руб.)
За границей 25 амер. цент.

Содержаніе № 35:

Л. Зуровъ — Выручка.
А. Мазурова — Свѣте Тихій.
Н. И. Мишеевъ — „Мати градомъ русскимъ“.
Любовь Столица — Царь Алексѣй Михайловичъ.
А. Ѳедоровъ — Встрѣча.
Евг. Чириковъ — Забытый пѣвецъ Волги.
Ив. Шмелевъ — Родное.

Въ иллюстраціяхъ:

Четыре цвѣтныя репродукціи гравюръ:
1) Въ пещерахъ Кіевской лавры. (Старин. гравюра).
2) Крещатикъ. (Стар. грав.)
и картинъ:
3) Вел. кн. Ольги Александровны — „Бѣлая церковь“.
4) С. Лиссимъ — „Владимировъ Кіевъ“.

Представительства журнала „Перезвоны“

Эстонія — Г. Паю. Ревель, Narju fānar 39. Бѣлокуровъ Дерптъ — Lossi tän № 1.

Литва — „Srauda“. Ковно, Laisves Aleja 76.

Финляндія — Mr. V. Voutilainen, Red. „Novija Russk. Vesti“, Nikolaigoton, No. 19, lok. 2.

Германія — Гиршфельдъ. Берлинъ, Passauer Str. 5.

Чехословакія — Кн. Маг. „Пламя“. Прага 11, Ječna 32.

А. А. Воеводинъ. Прага-Винограды, Nerudova 32.

Австрія — А. Мухинъ. Вѣна I, Petersplatz 9.

Югославія — И. И. Карпенко. Бѣлградъ, Притшинска 52.

Инж. А. Арія (для Хорватіи и Словеніи) — Загребъ, Vlaška ul. 24.

Продажа также въ книжныхъ магазинахъ:

„Славянская взаимность“. Бѣлградъ, Битольска, 30. — „Возрождение“. Бѣлградъ, ул. Милоша, 11. — М. А. Суворинъ. Бѣлградъ, ул. Кр. Наталии 21.

Болгарія — Н. Алексѣевъ. Софія, В. Тырново 17.

Продажа также въ магаз.: А. Курьинъ. — Софія, ул. Царя Освободителя 6.

Турція — Г. Пахаловъ, „Культура“. Константинополь, 385, Grand rue de Péra.

Польша — Изд. „Добро“. Варшава, ul. Krakowskie Przedmie ście Nr. 53.

Румынія — Кн. Маг. „Книга“. Кишиневъ, str. Alexandru cel Bun. 71.

Египетъ — Е. Лауренбергъ. Александрія, 24, Boulevard de Ramleh.

Китай — И. А. Глѣбовъ. Харбинъ, New-Town, p. b. 6.

К. Аверстъ. Тиендзинъ, 20 Council Road. Talati Building.

„Русское Дѣло“. Шанхай, 359, Avenue Joffre.

Соед. Штаты Сѣв. Америки — Central Book Trading Company (А. В. Яременко), 239 East 10 th street. New-York City.

Калифорнія — N. E. W. S. & Company. „Новинка“, 1793, Geary street. San Francisko.

Англія — „Родное Слово“. London W. S. 222. Shaftesbury Avenue.

Франція — Отдѣленіе Издательства — Парижъ (XVI) 20, rue Raynouard, 20.

Продажа въ магазинахъ:

Арбузовъ, 32, rue d'Anjou.
„Родникъ“, 106, rue de la Tour.
„Возрождение“, 2, rue de Seze,
И. Поволоцкій, 13, rue Bonaparte.

„Москва“, 9, rue Dupuytren.
„Маякъ“, 22, avenue des Ternes.
Е. Сіяльской, 2, rue Pierre-le-Grand.
„Офеня“ Билланкуръ.

Издание Акц. Общ. Печат. Дѣла „САЛАМАНДРА“
 Latvija Rīga, L. Kalēju ielā 42. Парижъ (XVI) 20 rue Raynouard; Харбинъ —
 New-Town, p. b. 6 — И. А. Глѣбовъ; Нью-Йоркъ — Central Book Trading Company
 239 East 10 th. Str.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ПЕРЕЗВОНЫ“

ВЫХОДИТЪ 1 РАЗЪ ВЪ МѢСЯЦЪ

СОТРУДНИКИ: М. А. Алдановъ, Мих. Арцыбашевъ, К. Д. Бальмонтъ, Н. Г. Бережан-
 ский, проф. Бердяевъ, И. А. Бунинъ, Н. Н. Бѣлошѣтовъ, Ю. Галичъ
 Г. Гребеншиковъ, О. Далматова, А. Даманская, Донъ-Аминадо, Бор. Зайцевъ, Евг. А. Зноско-Боровский,
 А. И. Купринъ, Вл. Лодыженский, Ив. Лукашъ, Д. С. Мережковский, С. Р. Минцловъ, проф. Н. И. Ми-
 шеевъ, Мих. Осоргинъ, А. М. Ремизовъ, Н. Рошинъ, Н. А. Тэффи, Л. Столица, И. Сургучевъ,
 В. Ф. Ходасевичъ, А. Черный, Евг. Н. Чириковъ, Марина Цвѣтаева, И. Шмелевъ, Сем. Юшкевичъ,
 А. Ѳедоровъ. Худ. акад. Н. П. Богдановъ-Бѣльскій, акад. С. А. Виноградовъ, А. М. Правдъ, Ю. Г.
 Рыковский, П. Н. Красновъ и друг.

№ 1 посвященъ С. А. Виноградову; № 2 — Н. П. Богданову-
 Бѣльскому; № 3 — М. В. Нестерову; № 4 — К. А. Коровину;
 № 5 — древне-русскому зодчеству; № 6 — В. М. Васнецову;
 № 7/8 — изображеніямъ Богоматери и Св. Младенца въ искусствѣ;
 № 9 — А. М. Васнецову; № 10 — М. В. Добужинскому;
 № 11 — И. И. Левитану; № 12 — В. В. Верещагину; № 13 —
 Н. К. Рериху; № 14 — Б. М. Кустодіеву; № 15 — стариннымъ
 усадьбамъ „подмосковнымъ“; № 16. — И. К. Айвазовскому и
 Ю. П. Анненкову; № 17 — В. Е. Маковскому и К. В.
 Дыдышко; № 18 — В. Г. Пурвиту; № 19 — Пасхальный;
 № 20 — посвященъ „Дню Русской Культуры“; № 21 —
 Я. Розенталю; № 22 — В. И. Сурикову и подмосковнымъ;
 № 23 — А. И. Куинджи; № 24 посвященъ стар. Петербургу;
 № 25 посвященъ Эрмитажу; № 26 — передвижникамъ и
 новѣйшимъ работамъ академикомъ Н. П. Богданова-Бѣль-
 скаго и С. А. Виноградова; № 27 — Рождественскимъ святоч-
 нымъ мотивамъ въ искусствѣ; № 28 — Москвѣ; № 29 — И. Е. Рѣпину;
 № 30 — В. Д. Полѣнову и И. М. Прянишникову; № 31 —
 Балканской освободительной войнѣ. № 32 Великому Нов-
 городу и Пскову ко Дню Русской Культуры. № 33 В. Г. Перову
 № 34 — Волгѣ. № 35 — Кіеву.

Въ каждомъ ном. 3—4 цвѣтныхъ репродукціи, много иллюстр. въ текстѣ.
 Обложка раб. М. Добужинскаго.

Цѣна ном., начиная съ № 14 — въ Латвіи 50 руб., за границей 25 ам. цент.

	Въ Латвіи	Въ Литвѣ	Въ Эстоніи	За границей
Комплектъ 1925 г. №№ 1—8	6 латовъ	15 литовъ	500 эст. мар.	1 долл. 50 цент. ам.
Комплектъ за 1-ое полугодіе 1926 г. №№ 9—21	12 латовъ	30 литовъ	1000 эст. мар.	3 амер. долл.
За 2 полугод. №№ 22—27	6 лат.	15 лит.	500 эст. м.	1 дол. 50 цен.

Въ изящныхъ коленкорovýchъ переплетахъ — каждый комплектъ на 2 Ls. дороже (50 ам. ц.)
 Плата можетъ быть внесена во всѣхъ почтовыхъ конторахъ на нашъ почт. тек. счетъ № 916
 Riga, Post-Schek Conto. № 916.

Подписчики, желающіе получить журналъ заказной бандеролью,
 приплачиваютъ 5 американскихъ центовъ за № (въ Латвіи 25 сант.)

Комплекты „Юнаго Читателя“ за 1926 г. (24 книги съ приложеніями) — 12 латовъ (30 литовъ,
 1000 эст. мар., 3 амер. доллара). Въ изящн. переплетахъ №№ 1 — 6 — 1 дол. (въ Латвіи 4 лата).
 №№ 7 — 12 — 1 дол. („ 4 лата).

Принимается подписка на 1927 годъ
на газету

Новое Время

Въ предѣлахъ Королевства С. Х. С. на
1 мѣс. — 45 дин., 3 мѣс. — 125 дин.
6 мѣс. — 250 дин., 12 мѣс. — 400 дин.
Заграницу на 1 мѣс. — 0,75 амер. долл.

Розничн. продажа въ Кор. С. Х. С. — 2 дин. за экз.
Подписка принимается съ 1 и 15 числа каждаго мѣсяца
въ главной конторѣ газеты: Бѣлградъ, ул. Кр.
Натали и во всѣхъ конгръ-агентствахъ газеты.

Единственная въ Харбинѣ (Китай) еже-
дневная русская вечерняя газета

„РУПОРЪ“

VII-ой годъ изданія

Въ воскресенье и послѣ праздничи.
дней выходитъ увеличен. размѣромъ.

Газета имѣетъ широкое распространеніе
по всей линіи Кит.-Вост. ж. д. и во
многихъ городахъ Китая и Японіи.

Подписная плата: 1 м. — 1 амер. дол.
3 м. — 2 амер. д. 50 ц.

АДРЕСЪ ДЛЯ КОРРЕСПОНДЕНЦІИ:

Китай
China — Харбинъ, Почтовый ящикъ № 364.

АДРЕСЪ ДЛЯ ПЕРЕВОДОВЪ:

Китай
China — Харбинъ, Корейская 17. Главн. Контора
газеты „РУПОРЪ“.

Редакторъ-издатель Е. С. Кауфманъ.

„Борьба за Россію“

еженедѣльникъ, выход. въ Парижѣ
и объединяющій всѣхъ

противниковъ большевизма.

Содѣйствуйте распространенію
журнала.

„РУССКОЕ СЛОВО“

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

въ Харбинѣ.

Мѣсячная подписная плата заграницу —
1 амер. дол.

Редакторъ-издатель
А. И. Коробовъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1927 ГОДЪ

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

Выходитъ въ Софіи

Адресъ
Редакціи и Конт.:
Софія, Врабча, 1

РУСЬ

Годъ изданія 5-ый

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ (съ пересылкой)

Въ Софіи и Болгаріи			
1 м.	3 м.	6 м.	12 м.
60 лв.	170 лв.	320 лв.	600 лв.
Заграницей			
1 м.	3 м.	6 м.	12 м.
0,60 долл.	1,5 долл.	3 долл.	6,00 долл.

Подписка принимается 1, 5, 10, 15, 20 и 25
каждаго мѣсяца.

Подписчикатъ — преміи книги

Слово

Ежедневная русская газета.

Ред. Н. Г. Бережанскій и И. С. Лукашъ.

— РЕДАКЦІЯ И КОНТОРА —
Рига, большая Кузнечная ул. № 43.

ПОДПИСКА:

на 1 мѣсяць заграницей — 86,5 амер. цент.
въ Латвіи 3,50 Ls.
въ Ригѣ 3,— Ls.

ШОРЪЗЪРШЫ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ
(№ 230 ❖ 1927 ❖ 35)

Кіевъ. Памятникъ Владимиру Святому

Н. И. МИШЕЕВЪ

„МАТИ ГРАДОМЪ РУССКИМЪ“

Высоко передо мною старый Кіевъ надъ Днѣпромъ;
Днѣпръ сверкаетъ подъ горою переливнымъ серебромъ.
Слава, Кіевъ многовѣчный, Русской славы колыбель!
Слава, Днѣпръ нашъ быстротечный, Руси чистая купель!

I

Эти стихи Хомякова зналъ наизусть каждый русскій школьникъ. „Книга для чтенія“ — первоначальная хрестоматія не могла обойтись безъ нихъ... Своей простотой, с имъ тор-

жественнымъ тономъ они были вполне доступны отроческой душѣ, настраивая ее въ то же время на какой-то высокой, волнующій сердце ладъ.

Въ хрестоматіи находились отрывки и изъ русской исторіи. Оказывалось, что Несторъ лѣтописецъ свой великій трудъ озаглавилъ такъ: „Се повѣсти временныхъ лѣтъ, откуда есть пошла Русская земля, и кто первѣе въ Кіевѣ нача княжити“...

Итакъ, впечатлѣніе отъ поразившаго дѣтскую душу поэтического произведенія закрѣпилось первымъ нашимъ историкомъ, знаменитымъ Несторомъ.

Но „Книга для чтенія“ включала въ себя и начатки русскаго религіознаго строительства, т. е., предъ изумленнымъ маленькимъ читателемъ Кіевъ являлся тѣмъ мѣстомъ, откуда на весь русскій народъ возсіяла благодать убогаго Христа. Послѣднее окончательно утверждало въ воспримчивомъ умѣ и впечатлительномъ сердцѣ подростка убѣжденіе въ непрекаемомъ значеніи Кіева.

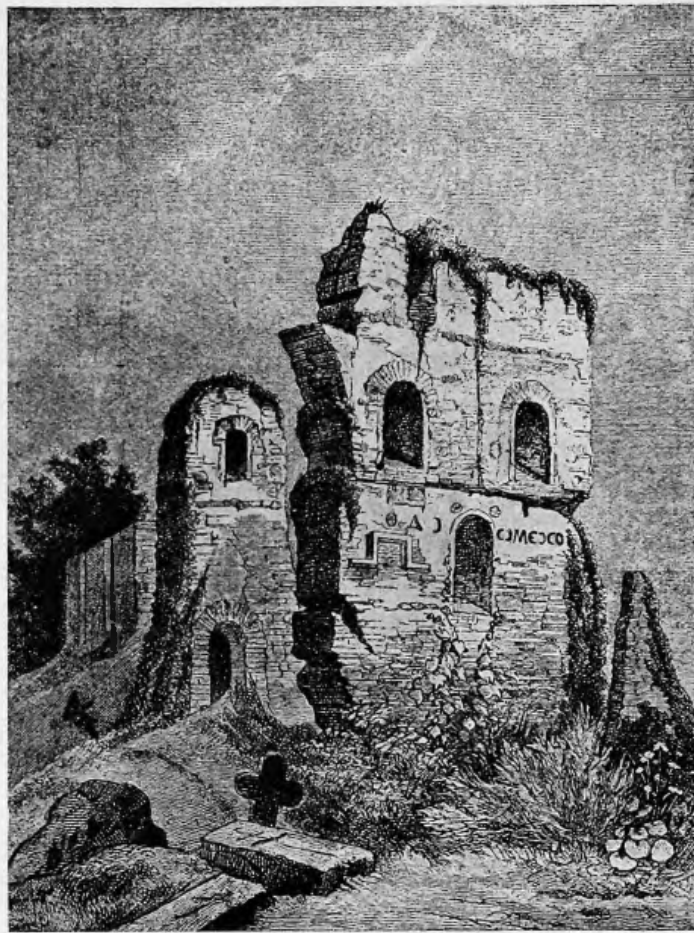
Кто же не знаетъ, что дѣтскія убѣжденія остаются неизгладимыми въ нашей душѣ, что, опускаясь въ подсознаніе, они впоследствии играютъ громадную роль въ нашей жизни. — „Давайте дѣтямъ какъ можно больше радостныхъ, глубокихъ, возвышенныхъ и человѣческихъ впечатлѣній, — говорилъ В. Бѣлинскій. — „Въ минуту жизни трудную“ они явятся „якоремъ спасенія.“ Эти первыя впечатлѣнія въ пробуждающейся къ духовной жизни личности обыкновенно самыя сильныя и яркія!..“

Вотъ почему „кіевскія впечатлѣнія“ никогда не могутъ быть забыты. Они въ процесѣ обученія русскаго ребенка — первыя. Это буква „А,“ при этомъ — прописная, т. е. яркая, красочная... Мудрый Олегъ, Святая Ольга, храбрый Святославъ, Владимиръ — Красное Солнышко съ своими могучими богатырями... Все поэтическіе образы при несомнѣнной своей историчности!

Развѣ можно учить и воспитывать русскаго ребенка безъ всего этого, правильнѣе, не начавъ учобы и воспитанія на такомъ фундаментѣ?..

Кіевскомъ фундамента!

И вдругъ теперь, какъ никогда, съ разныхъ сторонъ заявляютъ, что Кіевъ вовсе не рус-

Остатки Десятинной церкви

скій городъ и никогда имъ не былъ, что это „мѣсто польское“ или „украинское“, а по-сему долженъ отойти не то къ Польшѣ, не то къ Малороссіи.

Мы должны отвѣтить на такое заявленіе. Лицо русскаго школьника полно недоумѣнія и большого вопроса: „какъ же такъ?.. Насъ учили, что... Значитъ, неправду говорили...“

Отложимъ, вслѣдствіе этого, на время нашу экскурсію по Кіеву и постараемся „недоумѣнное“ разяснить.

II

Въ настоящее время русская историческая наука подвергла серьезной критикѣ вопросъ о призваніи варяговъ съ тремя братьями и началѣ русскаго государства изъ Новгорода. Достаточно въ этомъ отношеніи просмотрѣть

капитальный трудъ заслуж. проф. Д. И. Багалѣя („Русская исторія“ Т. I. М. 1914 г.), чтобы убѣдиться въ исключительныхъ по значенію ошибкахъ, допускаемыхъ „нормандской теоріей“.

Несторъ записалъ о призваніи спустя 2¹/₄ столѣтія, какъ легенду — „домысль“, чтобы начало Руси связать съ Новгородомъ; подобная же легенда — „домысль“ и такъ же съ тремя братьями (Кій, Щекъ и Хоривъ) начало Руси связываетъ съ Кіевомъ. Число три въ такихъ легендарныхъ сказаніяхъ, какъ извѣстно, играетъ всегда большую роль.

Правда, что лѣтописецъ пишетъ: „идоша за море къ Варягамъ, къ Руси, си бо тѣи звахуся Варязи Русь,“ которые и пришли въ Новгородъ, „откуда есть пошла Русская земля.“ Значитъ, варяги — Русь дали названіе нашему государству.

Съ другой стороны, Несторъ говоритъ: „Михаилу наченшо царствовать... начаша прозывати Русская земля,“ т. е. ставитъ имя Русь въ связь не съ варягами и Новгородомъ, а съ Царьградомъ и Кіевомъ, прибавляя: „отъ Словенска языка и мы есмь Русь, а словенскій и русскій одно есть.“ Если же мы попробуемъ теперь проанализировать самый терминъ „Русь“ и, притомъ, на основаніи данныхъ той же лѣтописи, то придемъ къ слѣдующимъ лажнымъ выводамъ.

Подъ Русью Несторъ разумѣеть мѣстное племя полянъ, т. е. жителей кievской земли.

Аскольдъ и Диръ приходятъ въ Кіевъ, гдѣ „многи Варяги совокуписта“ для похода на Царьградъ. Пошли... Но лѣтописецъ теперь замѣчаетъ: „Русь на Царьгородъ идетъ.“ Олегъ изъ Новгорода ведетъ „варязи, чудь, словѣнъ, кривичей, мерю, весь“; о Руси ни слова, очевидно, только потому, что въ Новгородѣ ея нѣтъ, въ противномъ случаѣ Несторъ, перечисливъ разныя „мерю,“ „весь,“ упомянулъ бы тѣмъ болѣе и о руси. Но, подойдя къ Кіеву, Олегъ говоритъ: „се буди мати градомъ руськимъ... Бѣша у него Варязи и Словѣни и прочи прозвашася Русью,“ т. е. дружинники варяги и ильменскіе славяне здѣсь въ Кіевѣ усвоили туземное названіе Русь.

Владимиръ и Ярославъ изъ Новгорода ведутъ варяговъ, словѣнъ, кривичей и чудь, — о Руси нѣтъ и помину, а изъ Кіева Святополкъ выступаетъ „съ печенѣги и русь“; Ярославъ потомъ идетъ на Святополка, „соедини Русь, Варязи и Словѣне.“

Такимъ образомъ, изъ этихъ фактовъ видно, что Руси нѣтъ въ центрѣ норманства, Новгородѣ, она — въ Кіевѣ. Русь Кіевская противопоставляется новгородскимъ „словѣнамъ“: „И рече Олегъ: „исшійте парусы поволочиты (шелковые) Руси, а Словѣнамъ кропинные. И воспаша Русь парусы поволочиты, а Словѣне кропинны и раздра я вѣтръ“. Императоръ Константинъ Багрянородный называетъ Новгородъ „ехо Rosia“, т. е. городомъ, находящимся

въ предѣловъ Руси (Кіевской). Но самое главное свидѣтельство о тождествѣ Руси и полянъ мы находимъ въ лѣтописи, которая говоритъ: „Поляне, яже нынѣ зовомая Русь.“ И позже Кіевская область называется въ лѣтописи Русью: „Иде Нифонтъ епископъ въ Русь“ (т. е. въ Кіевъ); „сынокъ его въ Новгородѣ, а братья въ Руси“ (т. е. въ Кіевѣ); „князи русьти“ (т. е. кievскіе) противопоставляются — черниговскимъ.

Наряду съ Днѣпровскою Русью существовала съ очень давняго времени Русь Черноморско-Азовская, находившаяся съ ней въ постоянныхъ связяхъ. Арабскій писатель X в., Масуди, называетъ Черное море русскимъ: „Никто, кромѣ нихъ — руссовъ не плаваетъ по немъ, и они живутъ на одномъ изъ его береговъ, образуя великій народъ, не покоряющійся ни царю, ни закону.“ Византійскій писатель Киннапа говоритъ: „есть нѣкоторый въ Тавроскии (Черноморское побережье) городъ, по имени Кіама“ (т. е. Кіевъ). Житія Георгія Амастридскаго и Стефана Сурожскаго (нач. IX в.) говорятъ о нашествіи съ береговъ Чернаго моря „губительныхъ варваровъ, Руси“, добравшихся и до Принцевыхъ острововъ. Св. Кириллъ посѣтилъ Корсунь до 862 г. (т. е. до призванія варяговъ) и „обрѣте ту евангеліе и псалтырь руськими письмены писано.“ Такъ мы читаемъ въ паннонскомъ житіи св. Кирилла.

Знаменитый писатель арабскій Ибнъ-Хордадбе (нач. IX в.) говоритъ: „что же касается русскихъ купцовъ, а они суть племя

Видъ на Софійскій соборъ. (Старин. гравюра)

изъ славянъ, то они направляются изъ Саклаба (Славянск. странъ) къ морю Русскому (Черному)... и провозятъ свой товаръ въ Багдадъ, гдѣ евнухи славянскіе служатъ имъ переводчиками.“

Итакъ, до призванія варяговъ существовало славное Русско-Славянское государство между Днѣпромъ и Кубанью, захватывая берега самого Черного моря.

Вслѣдствіе этого, процессъ образования Русскаго государства мы должны приурочить не къ Новгородской, а къ Полянской территоріи. Поляне съ ихъ городомъ Кіевомъ были прозваны Русью, и отсюда это имя перешло на всѣ племена восточнаго славянства.

Что касается генеалогическаго вопроса, то, вѣдь, и лѣтопись сама не даетъ устойчивыхъ данныхъ для заключенія о родственныхъ связяхъ Олега и Рюрика. Поэтому, относя Рюрика въ область легенды, мы, въ сущности говоря, становимся только на болѣе твердую почву въ опредѣленіи начала нашей древней исторіи, которая достоверно начинается со времени Олега, вокняжившагося въ Кіевѣ. Тогда, слѣдовательно, Олегъ, какъ и его преемники, былъ русскій славянинъ.

Само собой разумѣется, что нормандскаго вліянія въ древней Руси мы не собираемся отрицать, однако признаемъ его далеко не въ той степени, какъ это дѣлалось раньше. Оно было факторомъ производнымъ и случайнымъ и какого либо рѣшающаго значенія въ русской исторіи поэтому не имѣло.

III

Кіевъ — искони русскій городъ, подобно тому, какъ и племя полянъ, создавшее его, — также искони русское. Это племя въ тѣ времена отличалось, по сравненію съ другими племенами славянскими, особенной духовной одаренностью, несомнѣннымъ государственнымъ смысломъ, что, въ частности, и отразилось въ замѣчательной по культурнымъ достижениямъ Владимировой и Ярославовой Кіевской Руси, дѣлъ рукъ и ума чисто-славяно-русскаго, безъ всякихъ примѣсей элементовъ „татарщины“ и „германщины,“ наложившихъ довольно опредѣленную печать на періоды нашей исторіи — московскій и петербургскій.

Кіевская Русь окончилась съ нашествіемъ Батыя. Самъ же Кіевъ потерялъ навсегда (хотя, кто знаетъ будущее) свои права первопрестольнаго города въ 1169 году, когда былъ взятъ суздальскимъ княземъ Андреемъ Юрьевичемъ и когда, по замѣчанію Карамзина, —

Церковь изъ остатковъ Десятинной (постр. Петромъ Могилой)

„побѣдители, къ стыду своему, забыли, что они Россіяне: въ теченіе трехъ дней грабили не только жителей и дома, но и монастыри, церкви, богатый храмъ Софійскій и Десятинный; похитили иконы, драгоценныя ризы, книги и колокола.“

Однако, выгодное географическое положеніе Кіева давало ему возможность возродиться послѣ такихъ опустошеній, а ихъ было до Батыя нѣсколько. Но послѣ взятія города Батыемъ (въ м. дек.

1240 г.) Кіевъ настолько былъ разрушенъ и опустѣлъ, что, по свидѣтельству одного путешественника, въ немъ никто не жилъ. Только потомъ уже нѣсколько иноковъ Печерской обители, изъ привязанности къ святому мѣсту, стали по временамъ собираться изъ сосѣднихъ лѣсовъ по унылому и протяжному звону колокола, раздававшемуся по ночамъ, въ уцѣлѣвшей среди развалинъ придѣлѣ церкви. И долго еще Кіевъ представлялъ видъ бѣдной деревни, именно: до 14-го столѣтія. Къ этому времени онъ обстроился, заселился, но въ 1331 году вынужденъ былъ подчиниться князю литовскому Гедемину, учредившему здѣсь латинское епископство. Въ 1471 году, по повелѣнію великаго князя литовскаго и короля польскаго — Казимира, Кіевское княжество было переименовано въ воеводство. Въ 1482 г. крымскій ханъ Менгли-Гирей неожиданно подступилъ къ Кіеву, ограбилъ весь городъ и сжегъ всѣ монастыри. Баронъ Герберштейнъ, который въ то время путешествовалъ по Россіи, говоритъ о Кіевѣ: „Самыя развалины города и памятники, отъ которыхъ можно видѣть обломки, доказываютъ, что онъ былъ великолѣпнымъ и истинно-царскимъ городомъ. И теперь еще на сосѣднихъ горахъ видны слѣды церквей и опустѣвшихъ монастырей; кромѣ того, много пещеръ, въ которыхъ видны гробницы и въ нихъ еще неистлѣвшія тѣла“.

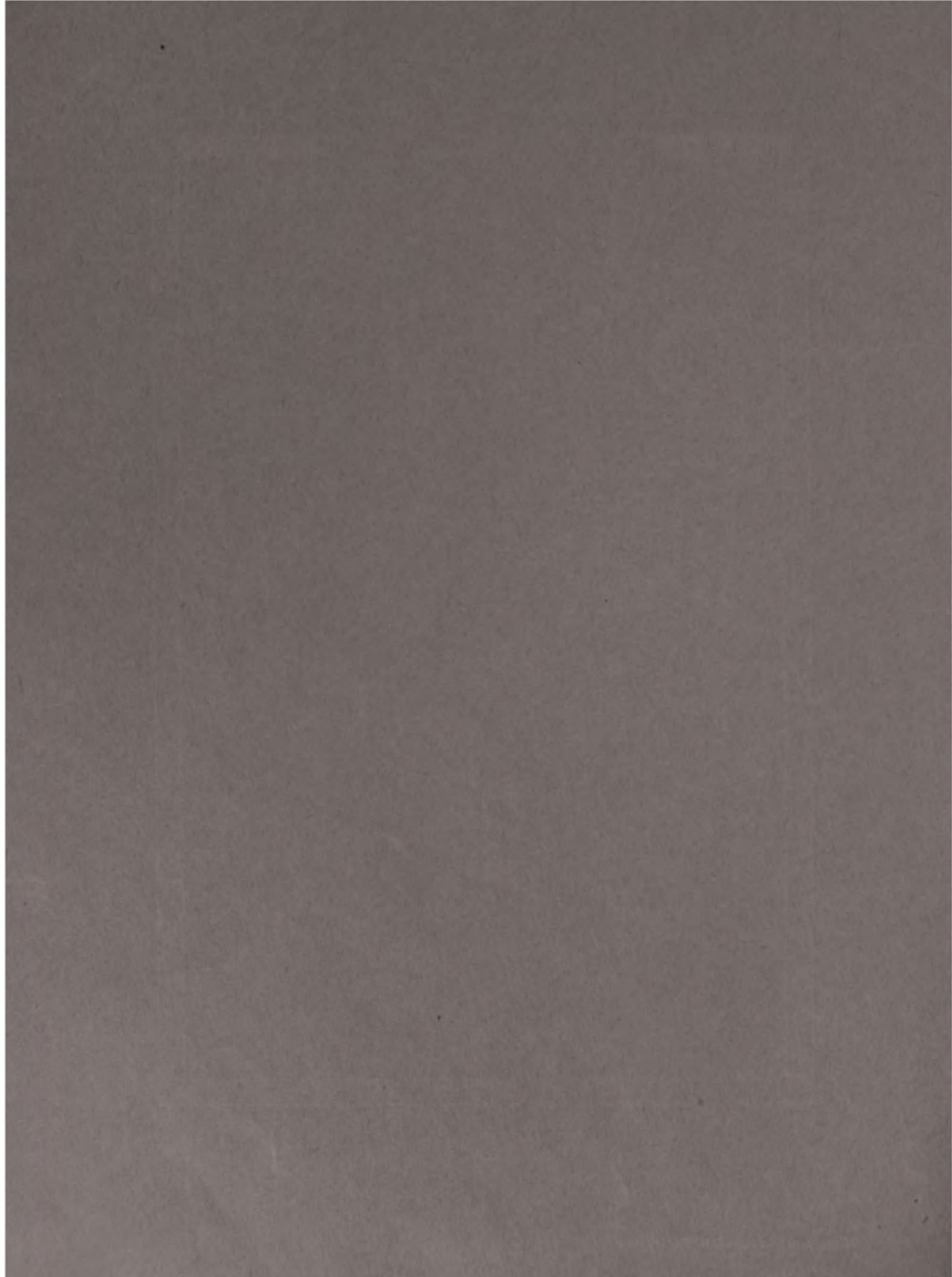
Въ началѣ XVI ст. по повелѣнію короля Казимира въ Кіевъ было собрано до 20.000 народу изъ приднѣпровья и здѣсь поселены. Имъ былъ дарованъ рядъ вольностей, согласно Магдебургскому праву, которое было введено въ Кіевѣ въ 1544 г. Съ этихъ годовъ здѣсь стало замѣтно ослабленіе старобытной русской жизни и усиленіе иноземнаго вліянія. Кіевъ былъ объявленъ польскимъ городомъ. Начиная съ 1596 г., когда была провозглашена церковная унія, католическая церковь сдѣлалась господствующей въ Кіевѣ. Печерскій монастырь, Софійскій соборъ попали въ руки уніатамъ.

Но насиліе вызвало противодѣйствіе. Насе-

ВЕЛ. КН. ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА

„БѢЛАЯ ЦЕРКОВЬ“

леніє Кієва поднялось на защиту своей національности и православія. Имена князя Острожскаго, гетмана Сагайдачнаго и знаменитаго митрополита Петра Могилы связаны съ упорной и длительной борьбой во имя православія и русской національности. Въ результатѣ Кієвъ опять сталъ средоточіемъ православія. Монастыри, соборы, храмы, благодаря энергіи Петра Могилы, были возвращены православнымъ и засіяли благолѣпіемъ, для котораго митрополитъ не жалѣлъ средствъ, получая ихъ, между прочимъ, и отъ московскихъ царей Михаила Ѳедоровича и Алексѣя Михайловича.

Въ 1654 г. 17 января кієвляне, во главѣ съ гетманомъ Богданомъ Хмѣльницкимъ, какъ извѣстно, присягнули на присоединеніе ихъ къ Россіи. По договору съ Польшей 1686 года Кієвъ навсегда уже былъ возвращенъ московскому царю.

Слѣдовательно, Кієвъ съ 864 г. по 1240 г., т. е. въ теченіе 376 лѣтъ просуществовалъ, какъ самостоятельный русскій городъ, причемъ 287 лѣтъ былъ столицею русской земли. По 1320 годъ, т. е. 80 лѣтъ находился подъ татарскимъ игомъ, освободившись отъ котораго по 1569 годъ, т. е. въ теченіе 249 лѣтъ, былъ сначала княжествомъ, а затѣмъ воеводскимъ городомъ Великаго Княжества Литовскаго; потомъ до 1667 г. т. е. 98 лѣтъ принадлежалъ Польшѣ и, наконецъ, въ 1686 г. окончательно перешелъ къ Россіи.

Смѣшны претензіи Польши на Кієвъ. О нихъ не стоитъ даже и говорить. 98 лѣтъ владѣнія городомъ, который существуетъ болѣе тысячи лѣтъ, овѣянныхъ великимъ историческимъ прошлымъ, своеобразнымъ и оригинальнымъ, не имѣющимъ никакого отношенія къ

Польшѣ, кромѣ (въ прошедшихъ вѣкахъ) — враждебнаго, — эти малые годы (98 л.) не даютъ полякамъ никакихъ правъ на Кієвъ.

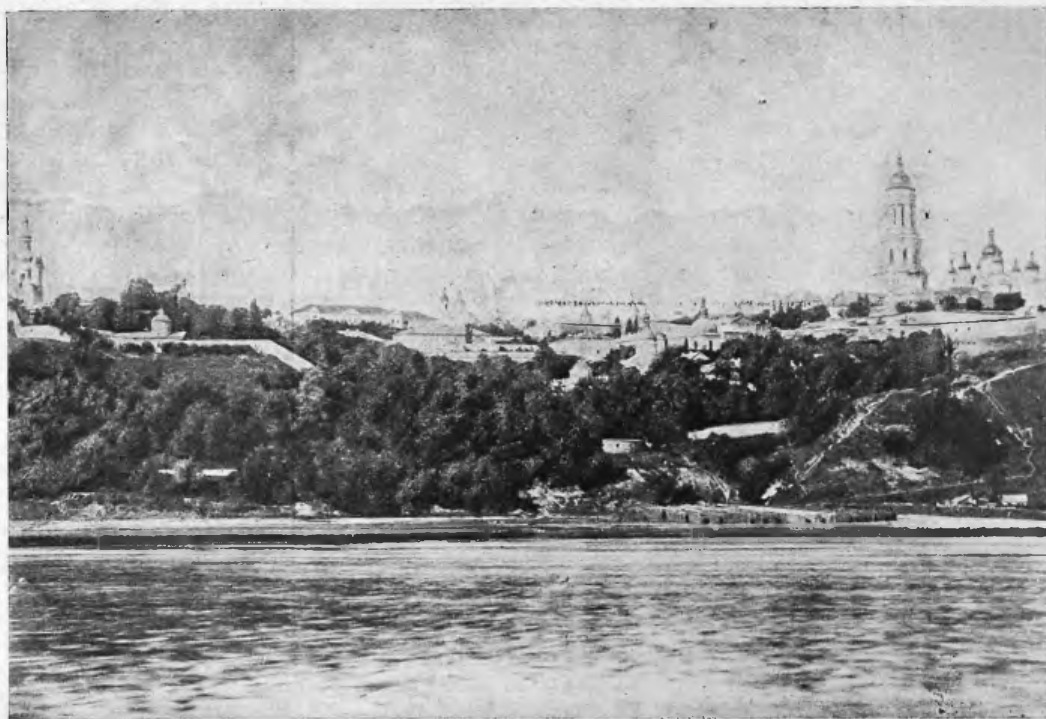
Столица „самостійной Украины“?..

Великія кієвскія святыни и его древности... Идея русской государственности — объединеніе „малыхъ русскихъ же городовъ и областей“, нашедшая столь образное выраженіе уже у Олега... т. е. у перваго историческаго князя Кієва, назвавшаго этотъ городъ: „мати градомъ русскимъ“... Национальное чувство cadaго русскаго челоѣка, такъ обострившееся за послѣдніе годы, а поэтому съ особеннымъ болѣзненнымъ вниманіемъ „прилѣпляющагося“ къ тѣмъ моментамъ исторіи, которые питаютъ это чувство — (Кієвъ первый и яркій изъ такихъ „моментовъ“)... Все это, какъ и многое другое, дѣлаютъ невозможнымъ, немыслимымъ, чтобы великая Россія лишилась Кієва, хотя бы и отдавъ его младшему брату — Малороссіи. Кієвъ — это „майоратъ“, „заповѣдное мѣсто“, общая національная русская святыня. Москва и Петербургъ, какъ этапы русской исторіи — это что-то начатое съ середины безъ Кієва, т. е., русская исторія безъ первой главы, гдѣ было только чисто-русское, нашедшее, можетъ быть, да и навѣрное, свое наилучшее выраженіе въ былинахъ о кієвскихъ богатыряхъ...

Неужели вамъ хочется разстаться съ Владимиромъ-Красное Солнышко и его богатырями?

Развѣ вамъ позволяютъ это русское искусство, поэзія, школа и... исторія?..

Императоръ Николай Павловичъ въ „Указѣ Правительствующему сенату, отъ 8 ноября 1833 г.“ подчеркнул, что „Кієвъ — это пер-

Видъ на Кієвскую Лавру изъ-за Днѣпра

вый свидѣтель гражданской самобытности нашихъ предковъ“...

Какъ же отдать этого „свидѣтеля“ Польшѣ или Украинѣ?.. Онѣ могутъ захватить его только силой. Но не окажется ли онъ на шеѣ у нихъ тѣмъ „бременемъ“, подъ которымъ можетъ треснуть „позвоночный столбъ“?..

IV

„Что солнце между планетами,

что царь между народами, то Кіевъ между городами... На высокой горѣ стоитъ онъ, опоясанъ зелеными садами, увѣнчанъ золотыми маковками и крестами церквей, словно святою короною; подъ горою разбѣжались живыя волны Днѣпра-кормильца. И Кіевъ, и Днѣпръ вмѣстѣ... Боже мой, что за роскошь! Слышите ли, добрые люди, я вамъ говорю про Кіевъ, и вы не плачете отъ радости? Вѣрно, вы не русскіе“...

Такъ писалъ о Кіевѣ извѣстный въ половинѣ прошлаго столѣтія поэтъ Гребенка, какъ бы отвѣчая на заявленіе императора Александра Николаевича (Рескриптъ Кіевскому Митрополиту 26 авг. 1856 г.) что „Кіевъ долженъ быть почитаемъ Іерусалимомъ земли Русской“...

Нечего удивляться восторгу и умиленію Гребенка. Лучшее стихотвореніе Хомякова, полное высокаго пафоса, посвящено тому же Кіеву, который, прежде всего, по своему мѣстоположенію, долженъ быть признанъ однимъ изъ красивѣйшихъ городовъ Европы.

Величественно, не стѣсняясь, раскинулся старый Кіевъ на правомъ берегу Днѣпра, занявъ двѣ площади: одну нагорную и другую, прилегающую къ ней съ сѣверо-востока, низменную, съ давнихъ поръ извѣстную подъ именемъ Подола. Если послѣдній имѣетъ незначительную высоту надъ нулевымъ горизонтомъ Днѣпра, то нагорная площадь, которая главной улицей Кіева, Крещатикомъ, дѣлится на части Печерскую и Старокіевскую, мѣстами возвышается надъ Днѣпромъ на 43 сажени.

Трудно передать красоту Кіева, когда смотришь на него изъ-за Днѣпра. Весь онъ является вашимъ глазамъ бѣлымъ въ зеленой рамкѣ садовъ, что находятся на горахъ. Эта бѣлизна въ

Остатки храма Св. Великомуч. Ирины

Кіевъ взору путешественника, подѣвжающаго къ нему желѣзнодорожнымъ мостомъ. Особенно весной и лѣтомъ, когда благодатная природа юга показываетъ себя во всей красѣ... Все кругомъ переливается радугой цвѣтовъ, шумитъ, поетъ, звенитъ... Днѣпръ полонъ лодками, пароходами, плотами...

Разумѣется, вы по приѣздѣ, чтобы отдохнуть, направитесь въ Царскій Садъ, на горку св. Владимира или въ „Минеральныя воды“, т. е. на горы кіевскія. Предположимъ, что вы заглянули въ Кіевъ весной.

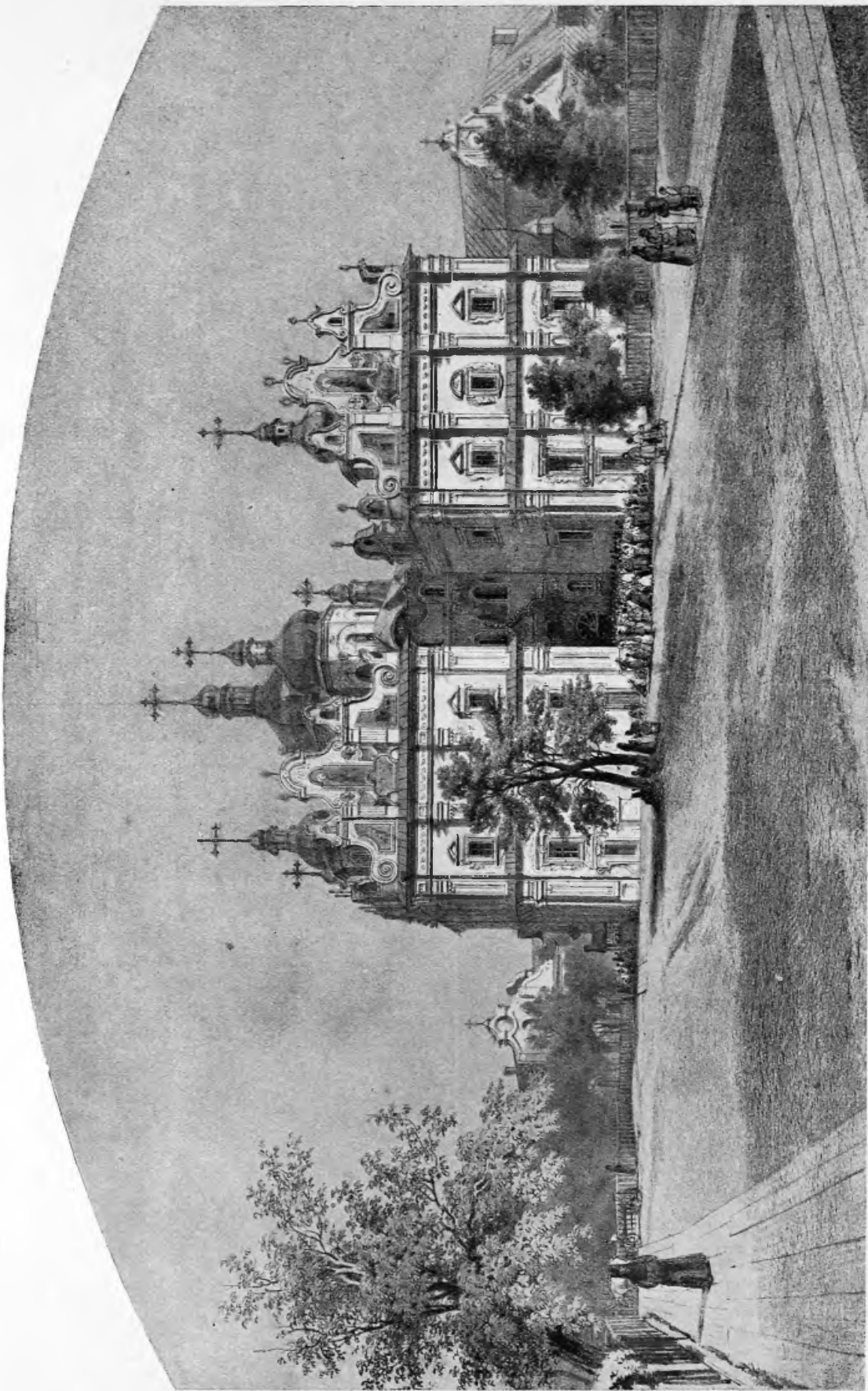
Днѣпръ разлился... Подоль залить... Вода въ Днѣпрѣ поднялась на 11 аршинъ выше обыкновеннаго своего уровня. Съ горъ вы видите своеобразную Венецію. По улицамъ сообщаются на лодкахъ. Днѣпръ необъятной ширины... Куда только ни хватаетъ глазъ — вездѣ вода, среди которой „торчатъ“ части Труханова острова, слободокъ Никольской и Воскресенской, деревни на холмистыхъ мѣстахъ, возвышенность знаменитой въ преданіяхъ „Лысой горы“ и на далекомъ-далекомъ горизонтѣ лента темно-синихъ лѣсовъ.

Спадетъ вода, и тогда вы видите внизу голубой Днѣпръ, за нимъ богатѣйшіе поемные луга, селенія съ нескончаемыми полями и бѣлыми хатками, всегда окружающими бѣлую съ зеленымъ верхомъ церковь.

Глазъ не хочется оторвать отъ всей этой картины, полной несказаннаго мира, уюта, гармоніи и необъятной ширины, мощи, удивительно сочетавшихся съ чѣмъ-то чисто-семейственнымъ... Невольно тогда, оглядываясь на красоту Божьяго міра, захватившую здѣсь душу, вспоминаешь легенду объ апостолѣ Андрѣ, посѣтившемъ эти мѣста и предсказавшемъ, что благодать Божія возсіяетъ на нихъ...

зеленомъ окруженіи часто-часто увѣнчивается золотыми куполами кіевскихъ храмовъ и монастырей, среди которыхъ ваше вниманіе привлекаетъ, конечно, знаменитая Кіевско-Печерская лавра и не менѣе извѣстный Златоверхій Михайловскій монастырь.

Какимъ-то небудничнымъ, провинціальнымъ предстаетъ

Великая лаврская церковь. (Стар. гравюра)

Естественно теперь, что, насладившись внѣшней красотой Кіева, вы хотите соприкоснуться его великимъ памятникамъ, т. е. приобщиться духовной красотѣ стольнаго города св. Владимира и Ярослава Мудраго. Посѣщеніе Кіево-Печерской лавры, конечно, прежде всего. Вы такъ много слышали о ней, читали, а въ дѣтствѣ „учили урокъ объ этой лаврѣ“.

...Сладко пѣсни раздался...

Въ небѣ тихъ вечерній звонъ.

„Вы откуда собралися,

Богомольцы, на поклонъ?..

— Я отъ Ладоги холодной, —

— Я отъ синихъ волнъ Невы, —

— Я отъ Камы многоводной, —

— Я отъ Матушки-Москвы...

Также „съ тихаго Дона“, „безпредѣльнаго Енисея“, отъ „береговъ Эвксина“ (Чернаго моря), съ „верховъ Алтая“... и т. д. и т. д.

Однимъ словомъ, уже подходя къ лаврѣ, вы незамѣтно вдругъ видите себя окруженнымъ паломниками со всѣхъ угловъ Руси. Народная масса, чрезвычайно живописная по одеждѣ, говору, но объятая единымъ благочестивымъ настроеніемъ, пришедшая, главнымъ образомъ, въ силу объѣта, пѣшкомъ за тысячи верстъ, принимаетъ васъ въ свою среду, дѣлаетъ въ лаврѣ богомольцемъ, и вы, странно забывъ какіе-то свои интересы, съ наслажденіемъ погружаетесь въ эти безчисленные толпы людей, объятыхъ глубокимъ религіознымъ порывомъ.

Предъ войной богомольцевъ бывало въ Кіевѣ до 250,000 человекъ. Почти всѣ они имѣли пребываніе въ гостепріимной лаврѣ.

Увы, приходится теперь писать о ней въ прошедшемъ времени... Если она, какъ и была, осталась древнѣйшей святой обителью во всей Русской землѣ, то ея громадное богатство и культурное значеніе въ настоящее время сведено къ нулю.

Авторъ этихъ строкъ видѣлъ не разъ ризницу лавры. 54 Евангелія съ драгоценнѣйшими окладами, золотые напрестольные кресты (ихъ десятки) очень часто вѣсомъ по 6—9 фунтовъ, украшенные брилліантами, 54 золотыхъ чаши съ брилліантами вѣсомъ 4—6 фунтовъ, 55 золотыхъ панагій съ брилліантами, сотни наперстныхъ золотыхъ крестовъ, десятки драгоценныхъ съ брилліантами золотыхъ митръ, сотни чеканныхъ золотыхъ ризъ и т. д. и т. д. Все это — дары особъ царствовавшего дома, аристократіи, дворянства и купечества. Все это своимъ блескомъ, стариной, красотой ослѣпляло глаза.

А въ храмахъ лавры! Вѣдь образа въ нихъ усыпаны были золотомъ, серебромъ и драгоценными камнями!..

Теперь ничего этого нѣтъ...

Ну, Богъ съ нимъ, съ этимъ богатствомъ! Упомянуть пришлось о немъ между прочимъ. А что съ колоссальной больницей, гдѣ лечились даромъ тысячи паломниковъ?.. Съ мастерской живописи, обставленной и обслуживаемой

прекрасно, съ сотнями учениковъ?.. Съ громаднѣйшей типографіей, литографіей, цинкографіей, оборудованными по послѣднему слову?.. Съ рядомъ начальныхъ школъ, четырехклассныхъ и для взрослыхъ?.. Съ библіотекой, богатой старинными книгами?.. Съ свѣчнымъ заводомъ?.. Съ тысячами ульевъ? Съ хозяйствомъ молочнымъ, огороднымъ, садовымъ?..

Лавра теперь закрыта. Превращена не то въ музейный, не то въ какой-то „культурный городокъ“...

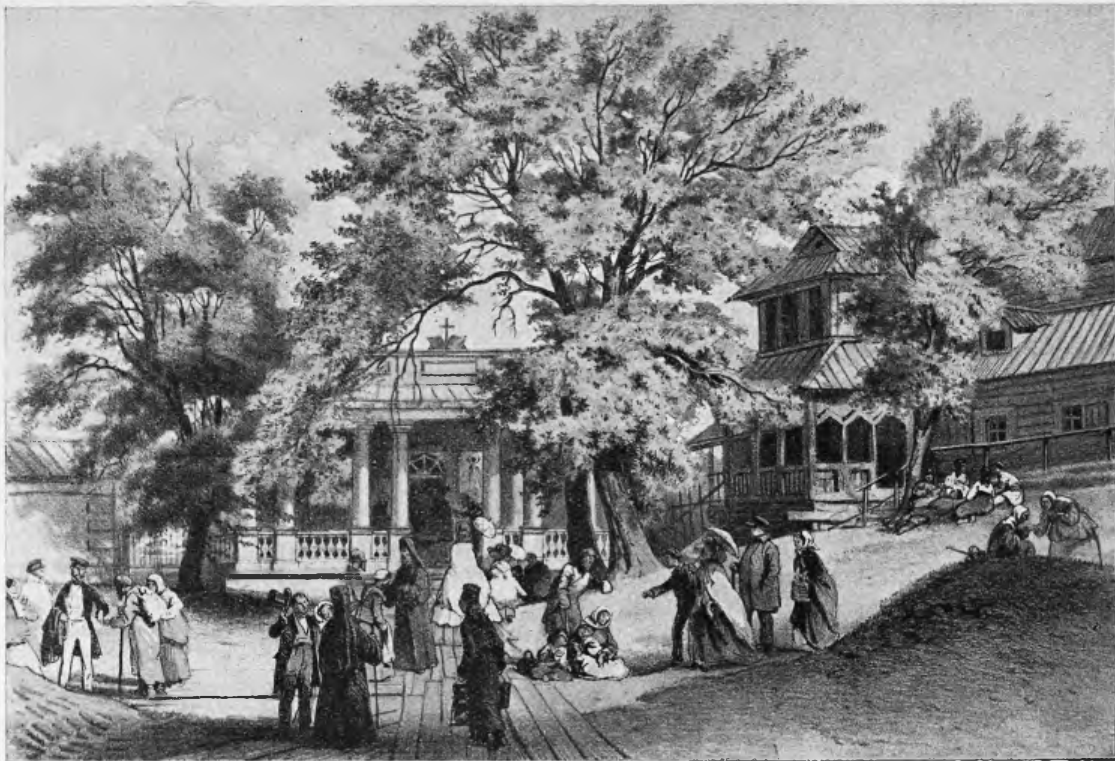
Раньше въ лаврѣ даромъ кормились; ютились тамъ тысячи униженныхъ и оскорбленныхъ міромъ. Она день и ночь была открыта для званыхъ и незваныхъ, не дѣлая различія между „эллиномъ и іудеемъ“. Лавра давала имъ и духовную пищу, въ которой отказался міръ... Да надо-ли, вообще, говорить о культурно-историческомъ значеніи Кіево-Печерской лавры?.. Уже въ дѣтствѣ, на первыхъ урокахъ русской исторіи, мы знакомимся съ этимъ...

Кромѣ храмовъ своихъ, средоточіемъ которыхъ является Великая лаврская церковь или соборъ Успенія Божьей Матери съ главной святыней — чудотворной иконой Успенія Божьей Матери, чудесно полученной греческими художниками во Влахерискомъ храмѣ предъ отбытіемъ ихъ въ Кіевъ при св. Владимирѣ, — лавра знаменита своими пещерами и могилами св. угодниковъ въ нихъ.

Кіевъ и его ближайшія окрестности по теченію Днѣпра имѣютъ цѣлый рядъ неизвѣстно когда ископанныхъ пещеръ, каковы: варяжскія, кирилловскія, китаевскія, лаврскія, межигородскія, трехсвятительскія и др. Онѣ тянутся на 20 верстъ. Уже въ XI в., по свидѣтельству летописи, пещеры эти считались древними. По всей вѣроятности, онѣ служили мѣстомъ для укрывательства товаровъ и имущества во время частыхъ набѣговъ многочисленныхъ кочевниковъ. Но всѣ названные пещеры такъ и остаются въ безвѣстности. Славны же только пещеры св. угодниковъ кіевскихъ. Онѣ раздѣляются на Ближнія, или Антоніевы, и Дальнія, или Θεодосіевы, имѣя между собой глубокой оврагъ. Переходъ изъ однихъ пещеръ въ другія идетъ въ деревянной крытой галлерей длиной 91 сажень.

Въ ближнихъ пещерахъ всѣхъ преподобныхъ, нетлѣнно почивающихъ, 71 и затворниковъ 9. Мощи святыхъ сохраняются въ гробницахъ, которые поставлены въ нишахъ по обѣ стороны пещерныхъ галлерей; у изголовья святого—его изображеніе, предъ которымъ теплится лампада и табличка съ именемъ святого. Въ Дальнихъ пещерахъ св. мощей и затворниковъ немногимъ меньше.

Совершенно особое настроеніе охватываетъ васъ, когда съ толпой богомольцевъ, во главѣ съ монахомъ, держа въ рукахъ зажженную свѣчу, вы спускаетесь глубоко внизъ. Длинной лентой вьется рядъ людей разнаго возраста, пола и состоянія. Раздаются возгласы монаха у каждой гробницы: „преподобный Пафнутій, моли Бога о насъ...“ „Преподобный Павелъ по-

Входъ въ пещеры Дальнія (Стар. гравюра)

Входъ въ пещеры Ближнія (Стар. гравюра)

слушливый, моли Бога о насъ" и т. д. Въ пещерахъ есть рядъ церквей, гдѣ совершается непрерывное богослуженіе, и паломники тогда останавливаются на мгновение, чтобы прослушать Евангеліе, ектенію и идти дальше, т. е. глубже подъ землю и ближе... къ самому себѣ.

Да, это, конечно, такъ. Лично пришлось испытать и отъ многихъ слышать, совсѣмъ „иначе вѣрующихъ“.

Дѣло въ томъ, что, если въ римскихъ катакомбахъ вамъ уже на срединѣ пути становится тяжело, душно и хочется на свѣтъ... Если эти катакомбы похожи на склепъ мертвыхъ, гдѣ живому человѣку не мѣсто, то ничего подобнаго вы не испытываете въ лаврскихъ пещерахъ. На табличкахъ у святыхъ вы читаете вмѣстѣ съ именами краткое упоминаніе о подвигѣ ихъ жизни, говорящемъ о великихъ достиженіяхъ человѣческаго духа, о побѣдѣ его надъ матеріей и зломъ, о самоотверженномъ служеніи людямъ и высшимъ идеаламъ. Это дѣйствуютъ, захватываетъ, возвышаетъ. Предъ вами лежитъ нетлѣнное тѣло подвижника, какъ очевидное доказательство побѣды надъ разрушеніемъ, т. е. надъ смертью. Вокругъ себя вы видите лица паломниковъ, подобно вамъ, ушедшихъ на какой-то часъ отъ всего будничнаго, мелкаго, житейскаго, а потому... возвратившихся къ самимъ себѣ.

Вотъ почему вы слышите произвольные вздохи, замѣчаете сокрушенныя покачиванія головой и сладкія слезы, орошающія лицо.

Не разъ приходилось намъ бывать въ Лаврскихъ пещерахъ и съ иностранцами. Они были глубоко взволнованы видѣннымъ и слышаннымъ тамъ, характеризую свои впечатлѣнія и переживанія, какъ единственные въ своемъ родѣ...

Слава, Днѣпръ, сѣдяя волны!
Слава, Кіевъ, чудный градъ!
Мракъ пещеръ твоихъ безмолвный
Краше царственныхъ палатъ!..

V

Кіевъ, вмѣстѣ съ ближайшими его окрестностями: Выдубицкій монастырь, Николаевская, Голосѣвская пустынь и др. имѣетъ 105 церквей, включая сюда 10 монастырей съ 50-ю

Св. Врата Кіевской лавры

церквами и 4 собора. По свидѣтельству Лаврентьевской лѣтописи подъ 1124 годомъ пожаръ въ Кіевѣ этого времени истребилъ 600 храмовъ.

Изъ кіевскихъ церквей послѣ лавры замѣчательнѣе соборъ св. Софіи, частью сохранившійся отъ XI вѣка. Онъ очень славенъ своими святынями и стариной, среди которыхъ знаменита чудотворная икона св. Николая Мокраго, древнѣйшая изъ иконъ этого имени, извѣстная въ Россіи; мощи св. митрополита кіевского Макарія, убитаго татарами въ 1497 году; гробница Ярослава Мудраго, богатѣйшая ризница (была богатой до революціи), гдѣ находилось много драгоценныхъ реликвій и предметов старины. Къ этой же старинѣ, имѣющей громадное значеніе для науки и искусства, относятся великолѣпныя мозаики и фрески на стѣнахъ собора. Среди нихъ

извѣстно колоссальное изображеніе Божьей Матери (7 арш.) надъ горнимъ мѣстомъ, на сводѣ алтаря, получившее за поразительную долговѣчность названіе „Нерушимой стѣны“.

Все пространство храма, не занятое мозаиками, покрыто фресками, изъ которыхъ большая часть XI в., т. е. времени освященія собора при Ярославѣ въ 1040 году.

На сѣверо-востокъ отъ Софійскаго собора, по Десятинной улицѣ, въ началѣ Андреевскаго спуска, въ древнѣйшей части Кіева, помѣщается Десятинная церковь во имя Рождества Пресвятой Богородицы. Она построена въ 996 году Владимиромъ на мѣстѣ убиенныхъ первыхъ варяжскихъ мучениковъ Федора и Іоанна. Сюда Владимиръ перенесъ останки св. Ольги и въ послѣдствіи самъ былъ похороненъ. Къ 17-му столѣтію она почти сравнялась съ землей, — результатъ погрома Батыева и пожаровъ. Въ 1635 митрополитъ Петръ Могила, по свидѣтельству одного изъ его современниковъ, приказалъ Десятинную церковь „выкопать изъ мрака подземнаго и открыть дневному свѣту“. Тогда были найдены двѣ старинныя гробницы. Петръ Могила на первоначальномъ фундаментѣ изъ уцѣлѣвшей части стѣны построилъ церковь. Однако, только въ 1824 году митрополитъ Евгений обратилъ серьезное вниманіе на храмъ. Онъ изслѣдовалъ фундаментъ церкви, и тогда были найдены остатки древнѣйшаго храма, мозаики, колокола, мрамор-

ныя украшенія, двѣ гробницы съ остовомъ и башмаками изъ шелковой матеріи. Настоящій храмъ выстроенъ на мѣстѣ прежняго, сохранивъ всѣ реликвіи старины, въ 1842 г.

Въ концѣ Десятинной улицы, на самомъ краю Старокіевской возвышенности, красуется поразительное по своей легкости и изяществу зданіе церкви апостола Андрея Первозваннаго, украшенное коринфскими колоннами, пилястрами. Куполь церкви покрытъ бѣлымъ листовымъ желѣзомъ, придающимъ крышѣ серебряный видъ. Со стороны Старога Города къ церкви ведетъ прекрасная, широкая, чугунная лѣстница въ 50 ступеней. Лѣстница оканчивается папертью, и на ней вышиною въ 20 сажень стоитъ чудесное созданіе великаго Растрелли. Паперть подходитъ къ крутому обрыву въ 40 с. надъ уровнемъ Днѣпра. Поразительна картина Днѣпра и Подола съ паперти Андреевской церкви... Въ свѣтлый день глазъ не устаеъ любоваться волшебной панорамой, открывшейся взору: церкви блестятъ своими золотыми главами; монастыри Братскій, Флоровскій съ своими тѣнистыми садами ярко выдѣляются на фонѣ правильныхъ улицъ, полныхъ движенія. Оживлены базарныя площади... За Подоломъ въ сизомъ туманѣ извилистаго Днѣпра виднѣются села, лѣса... Налюбовавшись, оглядываешься на храмъ и, кажется, что онъ виситъ надъ бездною, взлетая радостно въ высь темно-синяго неба...

Большой и весьма чтимой святынею яв-

ляется въ Кіевѣ Златоверхій Михайловскій монастырь, стоящій на центральной части Михайловской горы. Купола (7) монастыря покрыты червоннымъ листовымъ золотомъ, причемъ на крестѣ средняго изъ нихъ укрѣпленъ золотой двуглавый орелъ, поставленный Богданомъ Хмѣльницкимъ въ память возвращенія Россіи Кіева.

Храмъ заложенъ въ 1108 г. великимъ княземъ Святополкомъ-Михаиломъ во имя св. Архистратига Михаила. Главной святыней его являются нетлѣнныя мощи св. великомученицы Варвары, принесенныя изъ Царьграда греческой царевной Варварой, супругой Святополка Михаила. Мощи находятся въ драгоценной рацѣ въ 25 пудовъ серебра, — даръ графини А. А. Орловой-Чесменской.

Великолѣпна по художественному выполненію храмовая икона св. архангела Михаила, даръ имп. Александра I. Икона сдѣлана на большой доскѣ чистаго золота и осыпана 3000 брилліантовъ.

Въ монастырѣ интересны старинныя фрески и богатая ризница, гдѣ въ теченіе многихъ вѣковъ накопились большія историческія и художественныя цѣнности.

Изъ памятниковъ старины въ старомъ городѣ нужно отмѣтить остатки церкви св. Ирины, заложенной въ 1037 г. Ярославомъ во имя ангела своей супруги — св. Ирины. Въ настоящее время отъ храма остался четырехугольный столбъ подъ остроконечной крышей съ

Ближнія и Дальнія пещеры

Кієвъ. Крещатиць

позолоченнымъ крестомъ. Столбъ сложенъ изъ камней бывшаго храма, открытаго въ 1833 г. проф. Лохвицкимъ.

На юго-западъ отъ памятника св. Ирины, который находится подлѣ Софійскаго собора, по Владимирской улицѣ, стоятъ обломки двухъ стѣнъ, представляющіе остатки нѣкогда славныхъ Золотыхъ воротъ эпохи Ярослава Мудраго. На нихъ до 17 вѣка стояла церковь Благовѣщенія, такъ они были прочны. Батый не могъ ихъ разрушить.

Изъ примѣчательностей Подола наибольшее вниманіе привлекаетъ Братскій Богоявленскій монастырь съ существующею при немъ Духовною Академіей. Начало этой обители связано съ возникновеніемъ Богоявленскаго братства и кіевской Духовной Академіи, т. е. ко времени начала борьбы съ латинствомъ и уніей, иначе къ концу 16 вѣка. Исключительную поддержку Братству и его просвѣтительной дѣятельности оказалъ знаменитый гетманъ Петръ Коношевичъ Сагайдачный, который и похороненъ здѣсь въ 1622 г. Съ 1631 г. подъ свое покровительство взялъ Братство Петръ Могила. При немъ училище превратилось въ Кієво-Могилянскую коллегію. Онъ создалъ типографію и положилъ начало богатѣйшей бібліотекѣ.

Послѣ смерти Петра Могилы монастырь и коллегія стали приходить въ упадокъ отъ борьбы

съ поляками. Однако, къ концу 17-го столѣтія благосостояніе обители упрочилось. Императоръ Петръ Великій коллегію возвелъ на степень Академіи. Съ 1872 года при Академіи было учреждено Церковно - археологическое общество.

Трудно учеть историко-культурное значеніе Братскаго монастыря съ Академіей. Изъ нея вышелъ рядъ блестящихъ научныхъ именъ, много іерарховъ православной церкви, а главное, въ наиболѣе тяжелыя для этой церкви времена Академія стояла на-стражѣ православія и вела неуклонную борьбу съ католицизмомъ, преисполненнымъ воинственнаго задора и завоевательныхъ стремленій. Не забудемъ также, что Кіевская Академія долгое время была единственнымъ высшимъ учебнымъ заведеніемъ для всей Руси, и Москва питалась ея наукой.

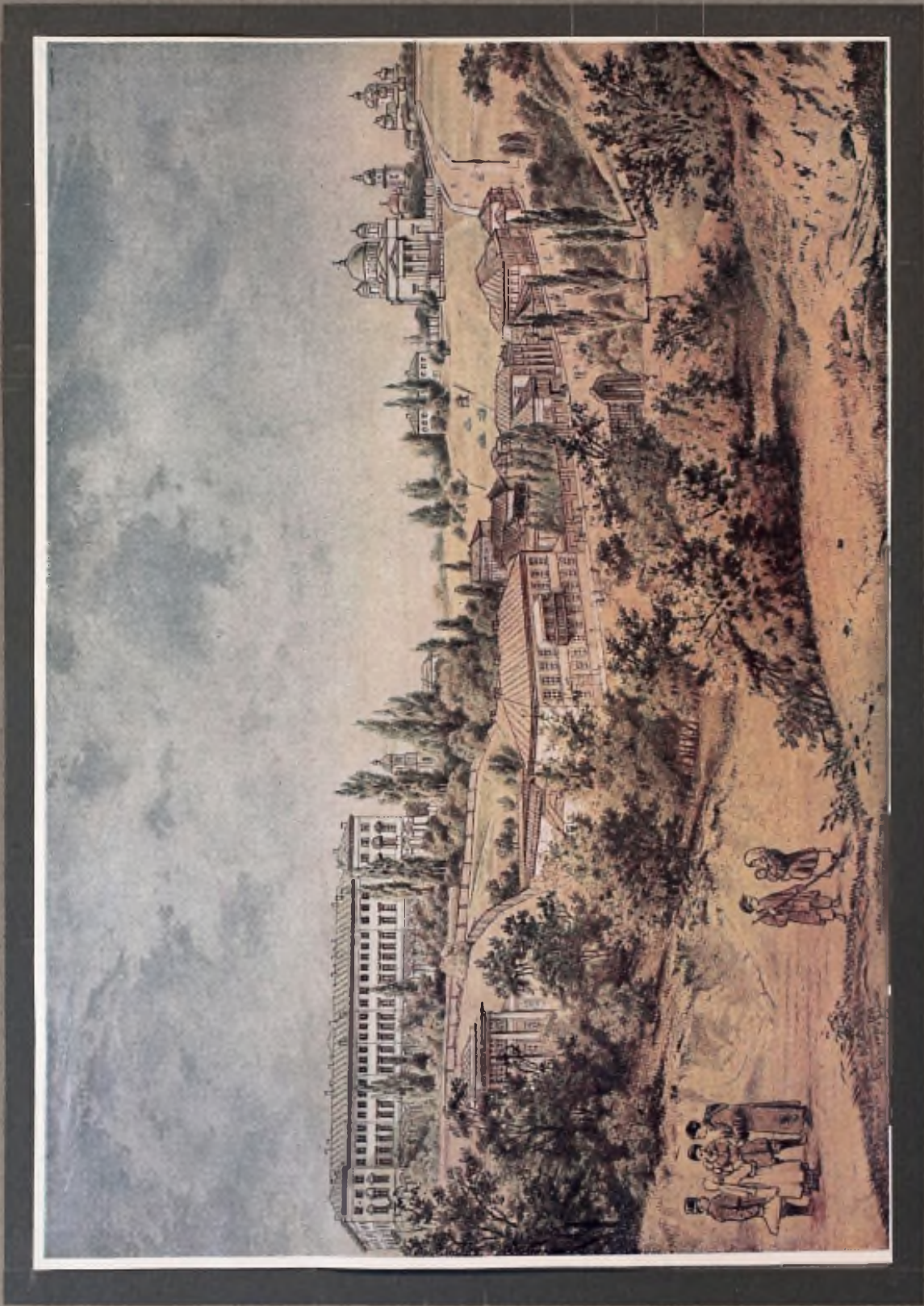
Въ настоящее время Академія закрыта, какъ и самый монастырь.

VI

„Ма ти градомъ русскимъ“...
Развѣ дѣти могутъ жертвовать своей матерью?..

Кто же будетъ уважать ихъ, если они откажутся отъ нея?..

Н. И. Мишеевъ

КРЕЩАТИЖЬ (Стар. гравюра)

РОДНОЕ

Изъ потерянной рукописи

... Словно во снѣ мѣнялось...

За одинъ мѣсяць — сколько! Порвано съ заграничной жизнью, — двѣнадцать лѣтъ, съ девятысотъ второго!.. — внезапный разрывъ съ Ивонной, опьянившешю на полсотню дней, испарившеюся изъ сердца — съ грязью, отказъ отъ профессуры, со скандаломъ, бѣшенная недѣля съ „дѣвушкой изъ кафэ“ въ Остэндэ, вызовъ къ умирающему отцу — въ Заволжье... И вотъ, наконецъ, въ Россіи!..

Кочинъ и въ Москвѣ не задержался: найденная на вокзалѣ телеграмма, отправленная теткой, сообщила, что „есть надежда, вчера соборовали, сегодня гораздо лучше, ждетъ твоего приѣзда“. Отлегло отъ сердца. До поѣзда, Кочинъ заѣхалъ пообѣдать въ „Прагу“, съ удовольствіемъ съѣлъ ботвиньи и осетрины съ хрѣномъ и выпилъ водки. „Прага“ ему понравилась, — онъ никогда въ ней не былъ, — понравилась чинностью „подачи“, спокойнымъ, московскимъ, тономъ, образомъ съ тихою лампадой, воздухомъ русской кухни, родною рѣчью. Растрогало его словомъ:

— „Добраго здоровьяца, Василій Николаичъ... давненько не бывали-сь у насъ“... — услыхалъ Кочинъ съдѣнькаго, чиннаго полового, встрѣчавшаго съ поклономъ солиднаго господина въ бакахъ: — „слыхали, защищать ѣздили въ Саратовъ? Все ли благополучно-сь?“...

скіе господинъ отвѣтилъ:

— „Оправдалъ мошенниковъ, Степанычъ!“ — и засмѣялся хитро.

— „Ну, мошенниковъ вы не станете-сь.. Прикажете графинчикъ? Могу похвалиться лососинкой?..“

„Вотъ онъ, российский воздухъ“... — подумалъ Кочинъ, чувствуя, какъ въ душѣ покоить. — „Неспѣшка, братскость“...

Растрогалъ и извозчикъ — словомъ:

— Ба-ринъ... со мной-то общались?..

— На Рязанскій! Да поскорѣй!..

— Ду-хомъ! Двугривенничекъ прибавите...

...— Вол-га?.. — чувствуя въ словѣ ласку, спросилъ Кочинъ кого-то, стоявшаго на площадкѣ, въ сумеркахъ, показывая въ мутную, бѣловатую ровень дали.

— Она - Матушка... — отвѣтилъ ласковый говорокъ. — Зашумливаетъ никакъ... Ай вы не здѣшній? не бывали въ нашихъ мѣстахъ?..

— Са-мый здѣшній, самарскій! — отозвался дрогнувшимъ говоркомъ и Кочинъ. — Какъ не знать!.. Сколько годовъ не видалъ!.. — выговорилъ онъ мягко и почувствовалъ ласку слова: сказалъ — „годовъ!“

— Стало быть, земляки съ вами!.. По вашему разговору слышу... Она - Матушка, она... тянется-просыпается, на работку подымается!..

Пахнуло такимъ роднымъ, что отъ радости духъ занялся. И Кочинъ подумалъ вслухъ:

— А вотъ, французъ... такъ никогда не скажетъ! Нѣтъ такой тихой шири...

— И никакъ и не можетъ быть-сь... — отозвался ласковый говорокъ. — Потому — Вол-га, называется. А я... такъ вотъ гляжу на васъ давеча... и думаю: съ лица — словно и нашъ, а по разговору-то... вы съ барышней-то, — будто, по-французски говорить изволили?..

Кочинъ призналъ старика въ лисьей шубѣ,

сосѣда по вагону. И, подхвативъ ширью, крикнулъ:

— Са-мый что ни на есть русскій! съ Заволжья русскій!..

— Такъ-такъ, очень хорошо-сь... Всѣ мы тутъ настоящіе, древней кости, правильные... — ласково посмѣялся себе-сѣдникъ. — Давно не бывали здѣсь, сказали? По службѣ на сторонѣ жить изволили?..

— На чужой сторонѣ жилъ, въ Бельгіи да во Франціи... Съ девятысотъ второго, двѣ-над-цать лѣтъ!.. Бельгіецъ

Андреевская церковь

и французовъ въ политехникумъ училъ... аэтого не изжилъ!..

И крѣпко ударилъ въ грудь.

— Никакъ и не можетъ быть-съ. Россія... она свою тягу имѣетъ, вродѣ какъ... пламень! Воздуху у насъ много!..

Кочинъ подумалъ: много надо было сломаться въ жизни, чтобы почувствовать эту тягу — пламень!

— А позвольте узнать фамилію-съ... съ какихъ мѣстовъ?..

— Кочинъ, Иванъ Александровичъ, съ...

— Ко-чинъ?!.. Да не сынокъ ли вы будете... Александра-то Васильевича?.. Конскіе заводы у него въ...

— Вы отца знаете?!.. — вскрикнулъ радостно и тревожно Кочинъ.

— Го-споди!..

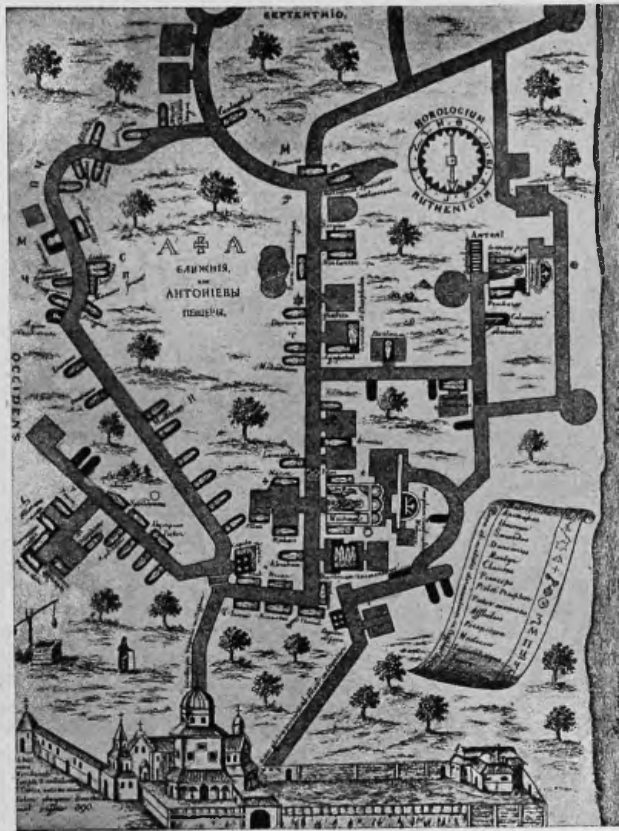
...Въ самый зачинъ весны, когда все поплыло, забурлило и зажурчало, дотащился Кочинъ до уѣзднаго городка. До усадьбы оставалось еще верстъ сорокъ.

Какъ и раньше, когда гимназистомъ пріѣзжалъ на Пасху, рѣшилъ онъ переночевать и, напившись чаю въ трактирѣ, вышелъ на торговую площадь.

Было все то же — сутолока и грязь, снѣговая мура, навозъ, съ бурой водой колдобины, шлепающія ноги... — и сыпучій, немолчный гамъ мелочного торга. Но какъ все это переживалось въ его душу! Что за крылья! Откуда пѣсни въ душѣ, и хочется сладко плакать, и итти, и итти бездумно, по вешней водѣ въ просторы?!

Лихіе пѣтушійные голоса, кобылы зовы, грызь жеребцовъ и ржанье горячей крови, воробьиная гомозня въ пригрѣвахъ... — все куда-то зоветъ, поталкиваетъ и щекочетъ, и пробираетъ въ душевную глыбу. А воздухъ! нигдѣ неповторимый, — густой и топкій, и тонкій-тонкій, неуловимый!..

Главы собора, раздавшіяся въ небѣ синью, смѣялись — звали золочеными звѣздами и крестами въ сквозныхъ цѣпяхъ, легкихъ, изъ золотого воздуха. Зѣвали лари на растопленной солнцемъ грязи, по-дѣтски казали сказочные цвѣта розановъ, пасхально-пышныхъ, — желтыхъ, лиловыхъ, алыхъ, — пушисто-шумныхъ, когда заиграетъ вѣтромъ. Цѣпочки розочекъ-мелкоты шептали свое — купи! Образочки угодничковъ сіяли цвѣтной фольгою, смѣялись на тепломъ солнцѣ: „а вотъ и мы... все тѣ же,

Изображенія Ближнихъ пещеръ, состав. Иннокентіемъ Гизелемъ въ 1674 г.

несутъ куда-то... подъ гору ли, въ оврагъ ли, въ омутъ ли, — кто тамъ знаетъ!

Во всемъ было близкое и свое, прижившееся такъ къ сердцу, что никакими силами оторвать не можно... а оторвалъ если, — только съ кровью.

Бородатые лица мужиковъ, подъ мохнатыми шапками, были неизмѣнно тѣ же, тесаныя на вѣки-вѣчныя. Ясны были бойкіе бабьи глаза, свѣтлые со свѣтлаго неба русскаго, какъ бы ваетъ свѣтла вода на лѣсныхъ прогалахъ. И вѣчно-весенни — дѣвичьи, въ тревожной весенней дымкѣ, — пытливые, пугливо-ищущіе судьбы. Вспомнились странные глаза „дѣвушки изъ кафэ“, въ Остэндѣ, звавшіе за собой... — не тѣ! Вспомнились обманувшіе глаза Ивонны, жены-не жены, оставленной далеко, въ Ліонѣ... — не тѣ, не тѣ! Вспомнились... ручьиные глаза Тани, сѣро-розовые отъ пряниковъ, что покупалъ онъ въ Сладкихъ Рядахъ, — изъ Вязьмы, Торжка и Тулы: самые тѣ глаза! Разсыпаны эти пряники и глаза — по всей Россіи...

Глядѣли глаза — играли: на развѣшанное по шестамъ цвѣтастое лоскутье, на глазастые платки-пятна, на кованыя въ жестъ укладки-приданое, на подбитыя полосатымъ тикомъ точеныя люльки пестряя—качалки будущаго на-плота, качающія вѣтеръ...

Вороха рухляди, ряды бѣлыхъ кадушекъ, полныхъ сверканьемъ новаго творога, сметаны; сочнаго масла русскаго, въ золотистой крупкѣ, выломы сотъ янтарныхъ, клейко текущихъ солн-

старенькіе, ласковые... здравствуй, родной... вернулся!..“ молодостью бѣлѣли колпачки пасочницъ; коробка-брюхи пестраго токаря, вѣчной забавы дѣтской, — сви-стульки, кубарики, бирюльки, — кричали яркими голосками: помнишь?! А вотъ и они, любимые, — се мейки колокольцовъ валдайскихъ, колокольцовъ дорожныхъ, зудливо-звонко позванивающихъ по Руси:

„Ку-пи-де..! ку-пи-де...

„Ку-пи-де-негъ... ку-пи-де-негъ...

„Ку-пи... де-негъ-не-жалъй...

„Со-мной-взидить... ве-селъй...

И онъ купилъ одинъ, ему совсѣмъ ненужный.

Этотъ колоколець напомнилъ родное бездорожье, ночлеги, неурочныя стоянки и уносящее — ухх-ты-ы... атты!.. — когда лошади вдругъ подхватятъ и помчатъ-по-

цемъ, съ лѣсовъ приволжскихъ... — все кричало ему изъ дѣтства: здравствуй! Окоренки съ розсыпями яицъ пасхальныхъ—луковыхъ, красныхъ, синихъ—свѣтло кричали ему: Воскресе!

Безмятежно баюкающая, какъ колыбельная пѣсенка, дѣтская радость-счастье — плескалась и пѣла въ немъ. И теперь казалось ему не важнымъ, какъ устраивать жизнь свою. Это казалось важнымъ на чужбинѣ, гдѣ прямыя дороги, заборчики и канавки... А здѣсь, въ бездорожной хляби,—было совсѣмъ не важно: вольешься — и вотъ, не страшно! Устала его душа отъ многолѣтняго „на-чеку“, а здѣсь — все разливно-мягко, все летяся-летяся въ невѣдомыя глазу формы, все ищетъ мѣста, какъ этотъ плывучій снѣгъ, вливающийся неслышно въ землю.

Онъ купилъ много ненужнаго: и цвѣтовъ, и платковъ, и меду; и длинныхъ-длинныхъ пироговъ-лодокъ волжскихъ, съ запечеными въ нихъ кусищами рыбы-сомовины, жирно-сладкой, — вкусныхъ въ бродяжномъ дѣтствѣ; и радостной, еще мерзлой клюквы, укрытой подъ соломкой, — гремучаго красного гороху; и каленыхъ орѣховъ жигулевскихъ, и... — вотъ они самые! розовыхъ пряниковъ на меду, что покупалъ, бывало, у ручьиисто-глазистой Тани... Онъ терся съ родной толпой, вбирая дыханія овчины, крашенины, коровьяго масла, дегтя... — запахи духоты и воли, земли и снѣга, грязи и солнца русскаго, въ гулъ толпы весенней. Трепетно-сладко слушалъ давно неслыханную пѣвучую рѣчь родную, крѣпко и кругло бьющую, сыплющую зубоскальствомъ-смѣхомъ, по которой тосковалъ не чуя, которая нужна, какъ ласка, какъ родное сердце, что гдѣ-то тутъ и для него бьется...

Онъ вернулся на постоялку, гдѣ пріятно-знакомо пахло постными щами со сметками, гдѣ разверченный молодецъ лихо накрылъ ему столъ салфеткой, съ запекшимися на ней рыбьими костями и солянкой, и съ трескомъ поставилъ грязноглазую перечницу-акульку. Но даже и эта грязь показалась ему, требовательному въ отеляхъ Брюсселя и Парижа, совсѣмъ законной: на семь стояло клеймо — тво е!

Ранней зарей, — еще не перелопались и не затекли лужи, подъ постный колоколокъ къ заутренѣ, съ хрустомъ выѣхали изъ городка на розвальняхъ, на парѣ лохматыхъ лошадокъ, въ веревочной упряжкѣ, съ круглолицымъ парнемъ, высвистывавшимъ скворчиное. И потянуло-поволокло его, мотая и колыхая, роняя въ ямины, выдирая на взлобья,—понесло по роднымъ просторамъ, подъ пѣсни жаворонковъ, подъ журчливую воркотню потоковъ, подъ скворчиную дробь и свистъ. Вербя золотисто пушилась по рѣчушкамъ, смѣялась пуховками-вербешками на покраснѣвшихъ ножкахъ...

— А что, здорово разлилась Ворюга? — спросилъ онъ парня.

— Шумить, словно... — бездумно отвѣтилъ парень, насвистывая скворчиное. — Надо-быть, разлилась... Пожалуй и мостъ снясла!..

— Тогда... какъ же?..

— Ды-ть... надо-быть, проѣдемъ. Въ полѣ, што-ль, ночевать будемъ! Должны проѣхать... иначе, какъ-жа!..

Бездумно говорилъ парень и свисталъ безпечно.

И Кочину, аккуратно-точному тамъ, здѣсь казалось совсѣмъ простымъ — какимъ-то невѣдомымъ для него путемъ перебраться въ саняхъ черезъ разлившуюся на версты Ворюгу. И онъ повторилъ бездумно:

— Должны проѣхать... Иначе — какъ же?..

— Обязательно должны проѣхать. Какъ-такъ, не проѣхать!..

И встрѣчный мужикъ, нежданно выплывшій въ саняхъ-лодкѣ изъ-за пригорка, отозвался на окликъ:

— Сня-сла... какъ-жа! На энтогь... на Кривой Хуторъ лутче!.. Слышь, ты!... на Шеремѣтку, гляди, трафься... а то заливать шибко!

— Да у Шеремѣтки ну-ка плотину, поди, прорвало?!..

— Прорвало. Слышь ты!.. На Шеремѣтку лутче не подавайся!.. Слышь!? Бери прямо на... Старую Сторожку, а тамъ... правѣй заводской трубы!.. Прямо лу-пи...

Слышь, чутокъ лѣвѣй смотри, лѣвѣй трубу-то забирай лутче... на Барашково прямо выправись!.. Тамъ, надо-быть, суконьшики, ужъ поромъ пустили!.. Прямо, стегай и стегай на трубу!..

— Вотъ ты его и пойми, далмата! — сказалъ парень, выглядывая по дали.

— Вотъ что... Лучше я тебя на Костино поверну... а тамъ достигнемъ чего-нибудь. Я ужъ теперь все знаю.

Лѣсъ тутъ у насъ свалили, ну... дороги - то все и пугаемъ. А то прямо бы на лѣсъ, и безъ хлопотъ!..

А, пускай... Можно и на Костино, и на Барашково, и на трубу можно, — не уйдутъ со своего мѣста. Можетъ, и поромъ наладятъ. И въ полѣ ночевать можно...

И опять заплескала и закачала, втягивала въ себя, парила вешнимъ дыханьемъ даль — ма-нила.

Глядѣлъ на нее Кочинъ — синѣло-голубѣло; глядѣлъ на солнечныя вербешки, на долги лужи-стекла, — и чуялось въ разливающимся весеннемъ днѣ, въ плескахъ и шорохахъ, что гдѣ-то здѣсь бьется и для него никогда не стихающее родное сердце.

И в. Шмелевъ

Златые врата Ярославля

Май, 1927 г. — Севръ

Апрѣль 1920 г. — Алушта.

ЦАРЬ АЛЕКСѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ

Во свѣтлицѣ дворца обособленной,
Имъ для роздыховъ царскихъ излюбленной,
Въ свѣтѣ розово - долгой свѣчи
Близъ изращатой жаркой печи,
Что сегодня вдругорядь натоплена,
По - надъ грудой у грековъ закупленной
Рукописныхъ и рѣдкостныхъ книгъ
Алексѣй — царь Тишайшій — поникъ.

*

На перстѣ — изумруда миндѣлина
Станъ изнѣженно-полный — въ бугайчикѣ
Изъ тафты выписной голубой,
Горностаево-снѣжный подбой...
Благолѣпно, добро-запечаленно,
Что икона — лицо... И угадчики
Не поймутъ всѣхъ раздумій чела,
Гдѣ ужъ просѣдь сквозь чернь пролегла!

*

Подлѣ самой руки государевой
Медь ухаѣтъ, гвоздикою сдобренный, —
Но не тронуть имъ жбанъ золотой...
Въ щелку дверцы, невплоть припертой,
Льетса запахъ стерляжьего варева —
Все для ужина въ столоной, чай, собрано, —
Царь не тронется... Тишь и теплынь.
Иней въ окнахъ, что пальмы пустынь.

Взглядъ прикованъ старинною книжицей,
Гдѣ столь складно и сладко рассказано
Объ Аркадскаго царства житьѣ,
Гдѣ змѣю и павой въ листьѣ
Буквы вьются иль бисеромъ нижутся...
Зачитался и... вспомнилъ вдругъ Разина,
Что въ его государство внесъ смерть,
Лѣпоту всю порушилъ въ немъ, смердъ!

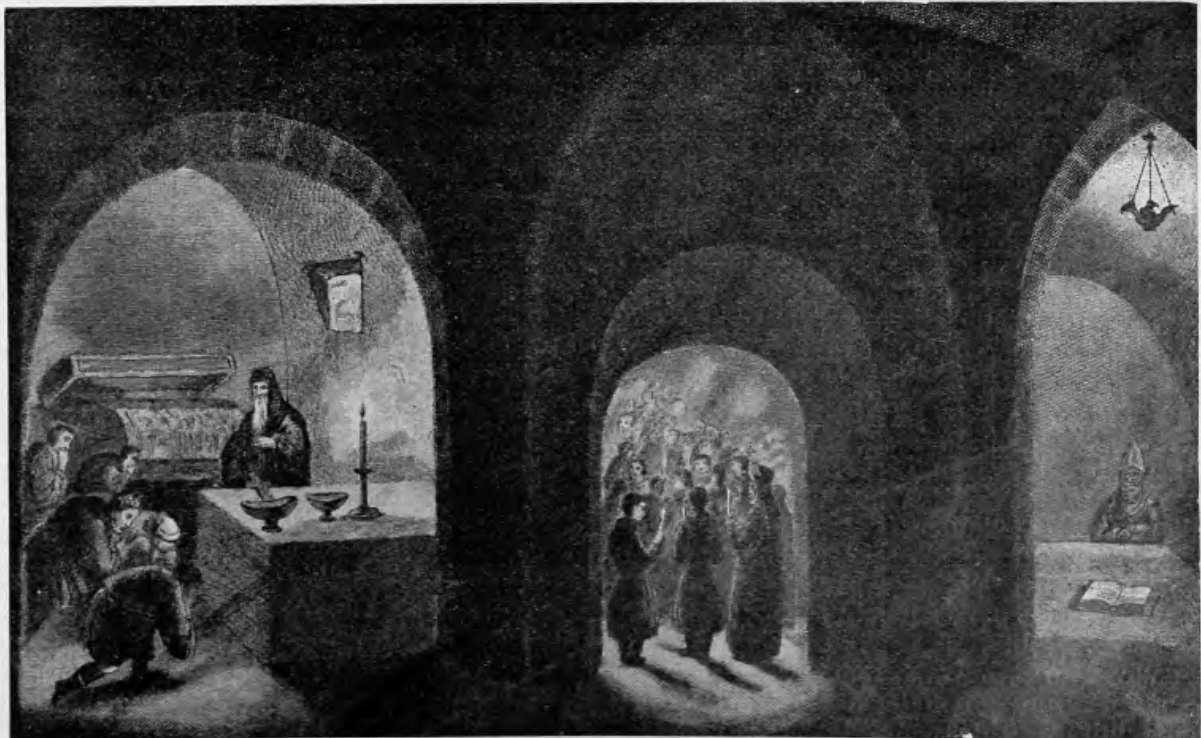
*

Что-то тамъ, по - надъ Волгой разбойничьей,
У злосчастнаго града Царицына?..
И, подъ временнымъ лихомъ склонень,
Царь не видитъ ужъ вѣчныхъ письмень.
Вдругъ — бѣлѣтъ, плечо его тронучи,
Златокольца ручка царицына.
И сама она — тутъ, позади,
Съ сыномъ любимъ его у груди.

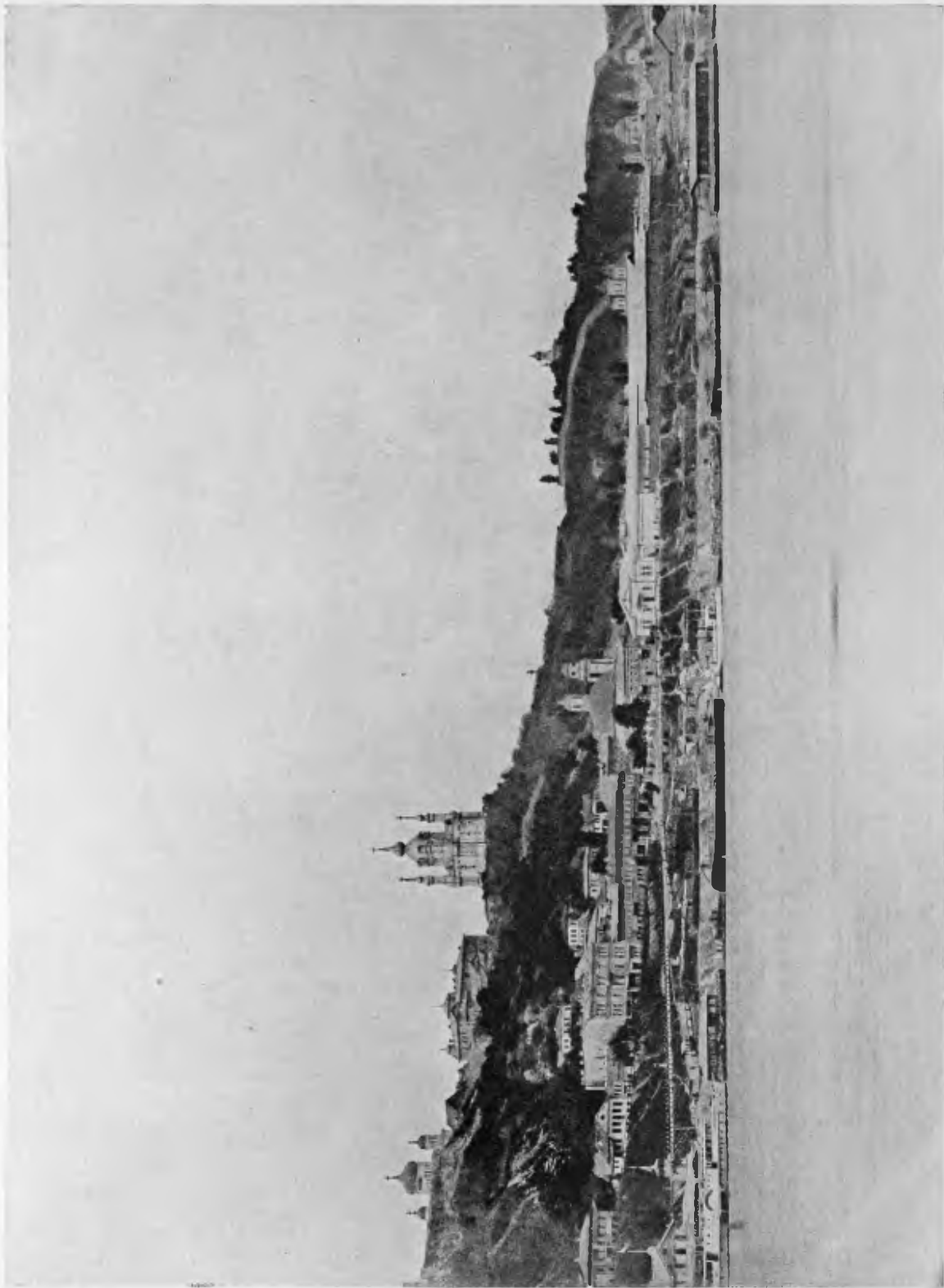
*

Грудь та — яблокъ янтарный анисовый!
И головкой — что кисть виноградная —
Крутокудрый прижался къ ней Петръ.
Всталъ Тишайшій, вновь ясенъ и бодръ,
И взглянулъ на кіотъ кипарисовый:
— Царь и Богъ мой! Нескверное, ладное
Житіе на Руси сотвори
И Крѣпчайшаго дай ей въ цари! —

Любовь Столица

Богомольцы въ пещерахъ

Видъ на Кіевъ изъ-за Днѣпра

ВСТРѢЧА

Любовь эта занялась не нынѣ и не здѣсь, на чужбинѣ, а давно, тамъ на родинѣ, но понималъ это онъ только теперь, когда чувство вполне овладѣло имъ. Въ суетѣ, среди увлеченій и успѣховъ жизни, такой богатой, разнообразной и пестрой, какъ-то даже некогда было остановиться на этомъ случайно затеплившемся огонькѣ: онъ, какъ лампадка, тихонько засвѣтился гдѣ-то въ уголкѣ сердца и терялся среди электрическихъ и бенгальскихъ огней, которые вспыхивали и гасли въ постоянной чадной смѣнѣ.

Однако, и тамъ нѣтъ-нѣтъ, да и вспоминался этотъ милый, тронувшій его чѣмъ-то образъ, и огонекъ лампадки оживалъ. Случалось это и при нечаянныхъ встрѣчахъ съ нею гдѣ-нибудь на улицѣ, въ театрѣ, въ концертной залѣ.

Но когда онъ о ней вспоминалъ, а вспоминалъ обыкновенно послѣ какого-нибудь бенгальскаго же увлеченія, отъ котораго оставался неприятный чадъ разочарованія и неловкости, то вспоминалъ не послѣднюю, а первую встрѣчу, которая произошла не въ толпѣ и суетѣ, а въ маленькой церковкѣ въ Москвѣ, на Арбатѣ, куда онъ зашелъ отъ заставшаго его на улицѣ около этой церковки весенняго ливня съ грозой.

Церковка была, кажется, та самая, что изображена на картинѣ художника Саврасова „Грачи прилетѣли“. Только не въ мартѣ, а въ маѣ, когда фруктовыя деревья въ полномъ цвѣту, и начинается зацвѣтать сирень.

И этотъ милый, свѣтлый образъ слился съ воспоминаніемъ о бѣлыхъ цвѣтушихъ деревьяхъ, кое-гдѣ видимыхъ поверхъ заборовъ и сквозь рѣшетки барскихъ особняковъ, а особенно — съ этой бѣдной церковкой, гдѣ въ тотъ день у обѣдни почти никого не было, кромѣ этой дѣвушки, двухъ-трехъ старушекъ да какой-то чуйки, тоже, должно быть, укрывшейся отъ ливня. Можетъ быть, и эта дѣвушка зашла по той же причинѣ? Нѣтъ, она пришла сама: это было ясно ужъ по тому, какъ она молилась здѣсь, родная старымъ церковнымъ стѣнамъ съ почернѣлыми образами, лампадка, свѣчечкамъ и всему, что одухотворяло этотъ храмъ.

Вѣрно, она жила и родилась гдѣ-нибудь поблизости, въ какомъ-нибудь патриархальномъ особнячкѣ съ маленькимъ садикомъ, и ее крестилъ въ этой церковкѣ тотъ же старенькій теперь священникъ, который и тогда былъ, конечно, старикомъ. Вѣдь ей нельзя дать было болѣе 16-17 лѣтъ. Тутъ же и причащалась она въ бѣленькомъ платьицѣ и радовалась въ пасхальные заутрени.

Была она одѣта небогато, просто, но со вкусомъ и не портнихи, а своимъ собственнымъ. Это какъ-то угадывалось по мелочамъ и особенно почему-то по лиловой шляпочкѣ съ зеленоватой лентой, которая какъ-будто выросла на ея негустыхъ каштановыхъ волосахъ. Черты

ея лица были довольно красивы и фигурка стройная, но въ лицѣ и въ фигурѣ не было ни изящества, ни яркости. Все какъ-то просто-вато, но, можетъ быть, въ этомъ-то и заключалось очарованіе, которое тогда же почувствовалось имъ.

Пока онъ любовался ею въ полумракѣ этой старой церковки, гроза съ ливнемъ гремѣла за стѣнами, заглушая громомъ и шумомъ дождя слабый голосъ священника. Плескались въ окна синіе огни молній, пугали церковный полумракъ и заставляли усерднѣе креститься старушекъ и даже чуйку, подозрительно косившагося на окна, откуда врвался свѣтъ.

Потомъ какъ-то сразу все утихло и просіяло, и свѣтлѣе стало въ церкви, и заголубѣли окна умытой и сіявшей солнцемъ синевой, и на синевѣ церковныхъ стеколъ зашевелились силуэты голубей.

Вышла она, перекрестившись въ послѣдній разъ съ дѣтской ясностью. Вышелъ и онъ. Не за нею — въ ней не было ничего зовущаго и притомъ же, повидимому, она не обратила на него никакого вниманія, врядъ ли даже замѣтила. Да и онъ тогда былъ увлеченъ одной танцовщицей-еврейкой, выдававшей себя за испанку, которая была и красивѣе, и эффектнѣе этой скромной дѣвушки, — барышней ее какъ-то не хотѣлось назвать.

Когда они вышли, грозы какъ не бывало, все сіяло, звенѣло, улыбалось, начиная отъ неба и кончая проѣзжавшей по мокрой и блестящей отъ солнца мостовой — пролеткой. Тучи сваливались лиловой глыбой гдѣ-то по направленію къ Воробьевымъ горамъ, и солнце сверкало на золоченомъ кренделѣ булочной, какъ будто онъ былъ дѣйствительно изъ чистаго золота. Мокрыя вѣтви сирени черезъ заборъ вытягивали распускающіяся кисти, и во влажномъ, сразу согрѣвшемся воздухѣ сквозь золото весенней свѣжести ощущался еле уловимый миндальный аромат. Такъ, вѣрно, должно было пахнуть и отъ нея. Странно, родная и этому весеннему утру, она тутъ, на улицѣ, какъ-будто потеряла частицу того очарованія, которое шло отъ нея тамъ, въ церкви.

Было только одно мгновеніе, которое сейчасъ вспыхнуло въ памяти, какъ молнія когда-то за церковными стеклами.

Пройдя нѣсколько шаговъ, она обернулась, взгляды ея вспыхнулъ синевой такой чистоты и ясности, что сердце его вздрогнуло. Но, встрѣтивъ его взглядъ, она покраснѣла, отвернулась, и каблучки ея маленькихъ туфель, какъ живые, замелькали по асфальту. Онъ внезапно и тайно для себя обрадовался чему-то до испуга. Такъ, по крайней мѣрѣ, представилось теперь.

Но тогда онъ не останавливался на этомъ, было не до того — приходилось, во-первыхъ, спѣшить по дѣлу въ судъ, а во-вторыхъ, что

ему была эта случайная встрѣча! Онъ даже и не осозналъ этой разницы, а лишь почувствовалъ ее. Но потомъ какъ-то само собой вспомнилось, сравнилось, забылось и опять слабо вспомнилось, и только теперь утвердилось вполне, чтобы уже никогда, никогда больше не забыться. Лишь здѣсь, на чужбинѣ, встрѣтившись съ ней при очень для нихъ обоихъ печальныхъ обстоятельствахъ, онъ понялъ, почему изъ того смутно затеплившагося тогда огонька разгорѣлось такимъ сильнымъ, и, какъ онъ ясно сознавалъ, послѣднимъ пламенемъ, это до муки овладѣвшее имъ чувство: она мистически-таинственно и до ошутительности ясно заключала въ себѣ душу родины, такъ же, какъ и та бѣдная старинная церковь, въ которой онъ ее увидѣлъ впервые. И то, что эти два воспоминанія соединились вмѣстѣ, казалось не случайнымъ. Будь эта первая встрѣча не въ этой церковкѣ, а на улицѣ, въ театрѣ, въ обществѣ, или хотя бы въ судѣ, гдѣ онъ, тогда блестящій адвокатъ, побѣдоносно выступавшій въ одномъ громкомъ процессѣ, былъ ей представленъ, по желанію ея, предсѣдателемъ суда, ея родственникомъ, можетъ быть, — и впечатлѣніе было бы не то, и онъ не полюбилъ бы и не затомился бы такъ, какъ теперь.

И не странно ли, что и тутъ, на чужбинѣ, пятнадцать лѣтъ спустя, онъ опять увидѣлъ ее въ церкви, маленькой русской церкви, которая когда-то возникла въ славянской странѣ не столько по религіозной необходимости, сколько для поддержки и утвержденія русскаго могущества.

Создававшимъ эту церковку и въ голову не могло придти въ тѣ счастливыя для Россіи времена, что ей когда-нибудь суждено будетъ стать единственнымъ прибѣжищемъ, утѣшеніемъ и опорой несчастнымъ русскимъ изгнанникамъ, угнетеннымъ и бездомнымъ, какъ паріи.

И уже теперь не майская гроза и не весенній ливень заставили его искать убѣжища въ церкви, а цѣлый потокъ крови и слезъ, который полился по родной землѣ, опаленной губительными молніями и потрясенной роковыми грозами. И не одинъ онъ сталъ такимъ. Множество русскихъ, подобно ему, равнодушныхъ къ церкви въ дни покоя и благополучія, теперь обратились къ ней съ надеждой и вѣрой. Не горе и бѣдствія породили эту вѣру, но они помогли ей вырасти и просіять умиротворяющимъ тихимъ свѣтомъ.

Вѣра была и раньше. И тогда въ той церковкѣ на

Арбатѣ онъ помнить, что нѣжное давно заглохшее чувство затеплилось въ немъ вмѣстѣ съ чувствомъ къ той дѣвушкѣ, и это чувство потянулось въ дѣтство къ еле тлѣвшимъ подъ соромъ жизни воспоминаніямъ, полнымъ святой красоты и благодати. Но тогда и на этомъ онъ не остановился — слишкомъ много было суеты и суетнаго вокругъ и въ немъ самомъ. А теперь, несмотря на перенесенныя и переносимыя тягостныя утраты, испытанія и лишенія, онъ съ особеннымъ чувствомъ признался себѣ, что во всемъ этомъ былъ какой-то свой предопредѣленный смыслъ.

Вспомнилось и то, что прошло мимо сознанія тогда, когда онъ смотрѣлъ ей вслѣдъ, удалявшейся отъ церковки и отъ него въ блескѣ весенняго дня по асфальтовому тротуару, на которомъ такъ замѣтно для глаза высыхала дождевая влага по ея слѣдкамъ. Что-то тогда отдѣлилось отъ него и пошло вслѣдъ за этой тонкой фигуркой, чтобы ужъ никогда больше не вернуться къ нему и только вотъ здѣсь напомнить о себѣ съ грустью невыразимой и укоромъ.

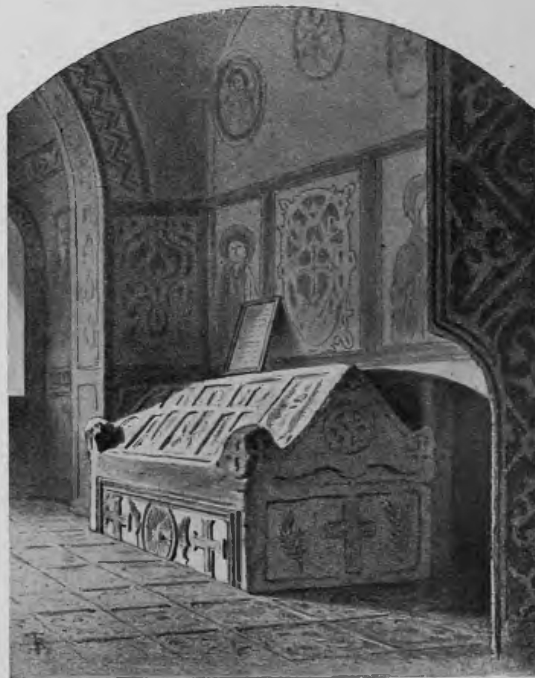
Онъ черезъ пятнадцать лѣтъ сразу узналъ ее среди молящихся, несмотря на то, что эти долгіе и страшные для всѣхъ годы не могли не измѣнить ея. Не было уже въ ея лицѣ и въ глазахъ той свѣтлой ясности и чистоты, которая дѣлала ее похожей на молодую цвѣтущую сиреньку. Это была уже не дѣвушка, а женщина съ выраженіемъ озабоченности въ лицѣ и затаенной печали въ изгибѣ губъ и въ глазахъ, утратившихъ свой васильковый безпредметный блескъ и не то, чтобы потускнѣвшихъ, но какъ бы спрятавшихъ свой прежній весенній свѣтокъ за тишиной печали, которой уже никогда не суждено исчезнуть изъ ихъ углубленной ясности.

Такою она ему показалась еще больше, чѣмъ тогда.

Мало того, такою она заставила его сейчасъ мысленно признаться себѣ, что она съ первой же встрѣчи стала ему страшно дорога: такая неотразимо близкая, родная, такая русская. Узнаетъ ли она его?

Ему и хотѣлось, и не хотѣлось, чтобы она узнала его: онъ какъ-то внутренне боялся этого, какъ вообще люди, хотя бы и сильные, боятся всего важнаго для души и настоящаго, будь это настоящее даже само счастье.

Рядомъ съ ней стояла дѣвочка, несомнѣнно ея дѣвочка и похожа на нее. Дѣвочкѣ уже лѣтъ десять. Да, такъ оно и должно быть. Замужъ вышла она

Гробница Ярослава въ Софійскомъ соборѣ

двѣнадцать лѣтъ тому назадъ и тотчасъ послѣ свадьбы уѣхала изъ Москвы куда-то въ провинцію, кажется, въ Одессу, — такъ по крайней мѣрѣ невзначай сообщилъ ему все тотъ же ея родственникъ, предсѣдатель судебной палаты.

Помнить, что это не то, что укололо его сердце, а какъ-то тронуло чувствомъ, похожимъ на зависть. Мужъ ея былъ военный докторъ. Ну, и дай Богъ имъ счастья! — отвѣтилъ онъ на эту новость. Почему-то и это не забылось.

Мужъ, конечно, живъ, иначе несмотря на эту видимую озабоченность, характерную для огромнаго большинства русскихъ бѣженковъ, устроившихъ свою жизнь вдали отъ родины болѣе или менѣе сносно, на ней и на ея ребенкѣ сказывалось бы опять такъ по-русски одиночество и неприкаянность вмѣстѣ съ матеріальными недостатками. Хотя, правду сказать, русскія женщины въ большинствѣ показали себя молодцами, проявивъ энергію и находчивость, и выносливость, и умѣнье трудиться, не меньшія, а нерѣдко и большія, чѣмъ мужья.

Сейчасъ, глядя на милый профиль ея, онъ прежде всего почему-то представлялъ уютъ, котораго въ сущности не имѣлъ въ своей холостой и беспорядочной жизни никогда, о которомъ тѣмъ не менѣе у него всегда была тайная тоска.

Теперь эта тоска выросла до такой степени, что онъ считалъ всю свою жизнь потерянной, но на этомъ поздно было останавливаться: ему уже за пятьдесятъ. Правда, имъ и до сихъ поръ увлекались женщины: онъ былъ бодръ, высокъ и все еще красивъ, съ своими сѣдыми волосами, но блестящими молодыми глазами, улыбкой и рѣчью, искренней и живой, чуждой того противнаго адвокатскаго лоска и напряженности, которые могутъ обманывать и прельщать лишь женщинъ такъ называемаго легкаго поведенія.

И опять припомнилось то, что тогда онъ слышалъ отъ предсѣдателя. Предсѣдатель какъ-то особенно многозначительно намекнулъ, что онъ произвелъ на его племянницу впечатлѣніе. Но все это опять-таки припомнилось лишь теперь и больно укололо сердце.

Все погибло. Единственной изъ всѣхъ, кого онъ зналъ и съ кѣмъ былъ близокъ, единственной, которой ему всю жизнь не доставало, которую онъ хотѣлъ имѣть своей женой, была она. Почему же такъ случилось? Почему онъ не узналъ въ ней тогда, что сейчасъ такъ ясно?

Она обернулась. На мгновение ея лицо выразило какъ бы нѣкоторое изумленіе: не то, что не сразу узнала, а не повѣрила сразу. Потомъ замѣтно взволновалась и машинально схватила дѣвочку свою за плечо.

Та удивленно подняла голову, глядя прямо въ глаза матери. По этому изумленію и даже по тому, какъ она опустила руку на плечо дѣвочки, точно ища у ней защиты и опоры, онъ понялъ, что не безразличенъ ей, и это его и обрадовало, и испугало.

Ну, хорошо... Если даже... А что же бу-

детъ дальше? Но, что бы ни было, только бы видѣть ее около себя всегда, всегда. Всѣмъ существомъ впивать ея взгляды, ея движенія, улыбку... И тогда ничего не страшно. Тогда съ нимъ всегда будетъ его родина, родныя небеса, родное солнце, родной воздухъ. Миръ и благодать.

Стало страшно жаль себя. Казалось, что ничего-то у него не было въ жизни, кромѣ вотъ этой церковки и простенькой несказанно милой фигуры съ тихимъ, свѣтлымъ лицомъ. И нечего было больше вспомнить, а казалось такъ много прожито и пережито. Но все было ложь, пустота, призракъ. Одна она настоящая, кого онъ всю жизнь ждалъ и искалъ, но, встрѣтивъ, поспѣшилъ закрыть глаза, какъ отъ солнца, и уйти, какъ отъ вѣчности.

— Милая, любимая, родная, единственная! — мысленно твердилъ онъ, въ то время какъ гремѣлъ стройный церковный хоръ и сѣдой священникъ внушительно и строго повторялъ евангельскія откровенія.

— Родная! Единственная! — Прошептали его губы, и эти слова не были оскорбленіемъ церковной службы: они были проникнуты благоговѣніемъ, какъ молитва, и переливались свѣтомъ невыплаканныхъ слезъ, и смущали, и таяли, какъ церковныя свѣчечки.

Не глядя на него, она повернулась, взяла дѣвочку за руку и, опустивъ голову, направилась къ выходу.

Дѣвочка изумленно на нее глядѣла; ей, по видимому, не хотѣлось уходить: золотомъ блестящая риза, прислуживавшій въ длинной одеждѣ бѣлокуроый мальчикъ, лампы, свѣчи, иконы — все это занимало ее. Она опять устремила глаза на всѣ эти привлекательныя вещи и снова на мать.

Но та уже приближалась къ выходу, настойчиво увлекая дочь за собой.

Онъ почти безотчетно послѣдовалъ за ней.

На паперти она остановилась и, не оборачиваясь, спустилась по ступенькамъ, но не къ выходу, а въ церковный садикъ, примыкавшій къ дому, гдѣ раньше помѣщалось русское посольство.

Тутъ только она остановилась и увидѣла его передъ собою.

— Вы узнали меня?

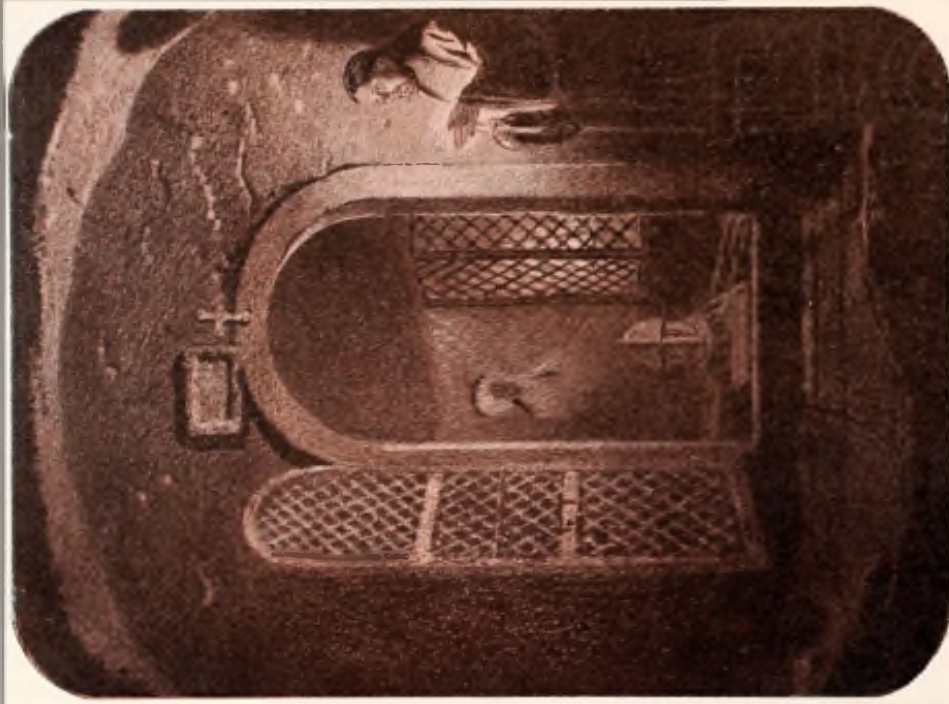
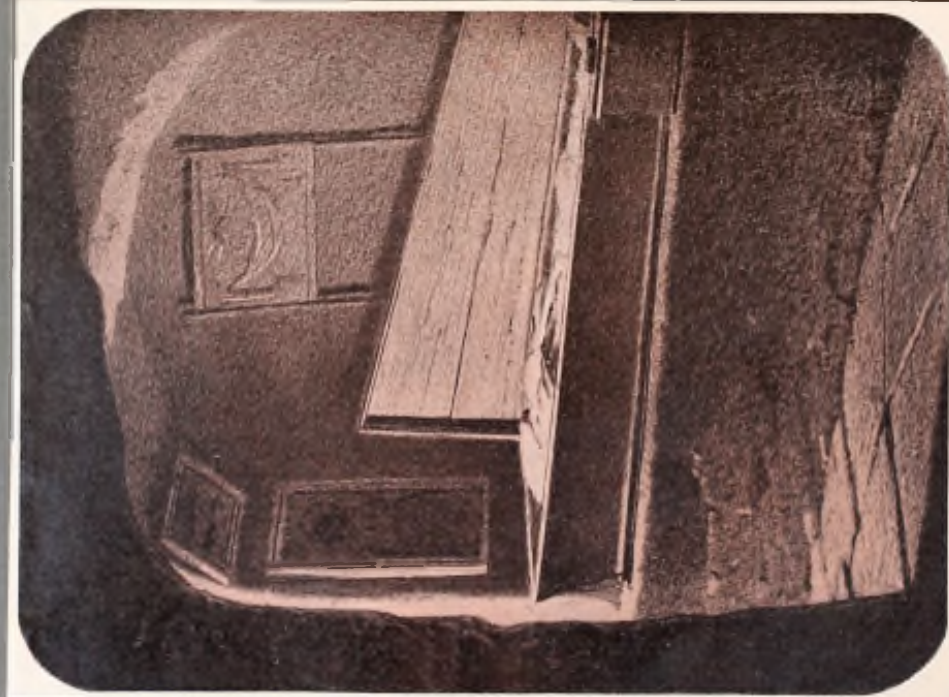
— О! — только и нашлась отвѣтить она на это ненужное обращеніе и, покраснѣвъ, протянула руку, на которую не успѣла надѣть перчатку.

Онъ поцѣловалъ эту руку съ успѣвшей заглубить кожей.

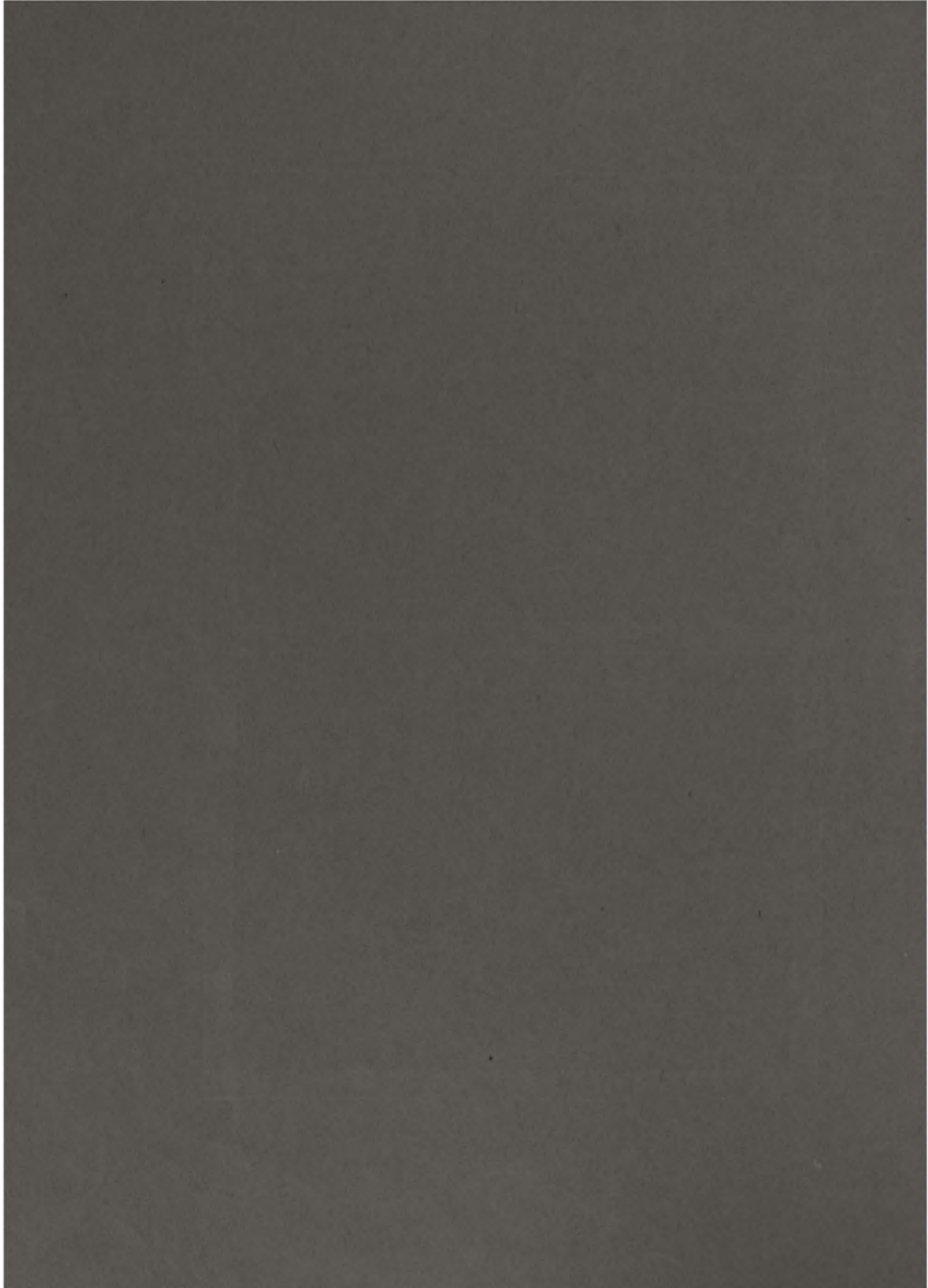
„Сама мою полы и стираетъ бѣлье и чиститъ картофель,“ мелькнуло у него, но не разочаровало, а наоборотъ, какъ-то особенно растрогало.

— Вотъ встрѣча! — продолжалъ онъ все въ той же условной формѣ. — А это ваша дѣвочка? Такая большая!

Мать снова положила дѣвочкѣ руку на плечо, словно ища у ней защиты. Та неловко присѣла передъ нимъ, снизу вверхъ подавая

МОЩИ НЕСТОРА АВТОПИСЦА — ВЪ КІЕВСКИХЪ ПЕЩЕРАХЪ. — МОЩИ ЮАНИНА МНОГОСТРАДАЛЬНАГО.

свою маленькую нѣжную ручку и недовѣрчиво ежась.

— Да и сама не понимаю, какъ это она такъ незамѣтно выросла. Приѣхала сюда, была совсѣмъ крошечкой, но вѣдь ей шесть лѣтъ... А вы, вѣрно, недавно здѣсь?

— Нѣсколько дней. Я и не подозревалъ, что вы тутъ.

Она искоса и тоже, какъ ему показалось, недовѣрчиво, какъ ея дѣвочка, на него взглянула.

— Проездомъ? — сорвался у нея невольный вопросъ. Дѣвочка, увидѣвшая блѣлую бабочку, сдѣлала къ ней движеніе съ протянутой рукой.

— Не знаю, — отвѣтилъ онъ. — Направлялся въ Парижъ.

— И поѣзжайте, — поспѣшила отозваться она и быстро прибавила какъ-то по-газетному, бѣгло и автоматически: — здѣсь финансовый кризисъ, и русскіе принуждены уѣзжать отъ безработицы.

— А вы, вашъ мужъ?

— Мой мужъ здѣсь въ клиникѣ, вотъ уже полгода. У него какая-то странная болѣзнь, вроде паралича; доктора говорятъ — послѣдствія сонной болѣзни и на излѣченіе мало надежды. Я же дѣлаю шляпы и такъ живемъ. Конечно, если бы поѣхать за границу, можетъ быть, его вылѣчили бы, а тутъ вотъ уже два года, какъ онъ боленъ и все хуже... Уѣзжайте... Уѣзжайте скорѣе.

Это послѣднее слово выдало ее, и она сама это почувствовала и, покраснѣвъ, подняла на него глаза.

— А я бы такъ хотѣлъ остаться! — произнесъ онъ, поднимая на нее взглядъ и въ упоръ встрѣчаясь съ ея загорѣвшимся и почти умоляющимъ взглядомъ.

У него, какъ никогда, по-молодому стѣснилось и расширилось сердце отъ радости, надежды и безнадежности. Этотъ взглядъ, вопреки ея словамъ, говорилъ: „и я хочу, чтобы ты остался, но это невозможно. Уѣзжай. Такъ лучше и для тебя, и для меня, и для моей совѣсти“. Она такъ забылась въ этомъ взглядѣ, что не замѣтила, какъ дѣвочка тронула ее за рукавъ и спросила: — Можно, мамочка?

Удивленная ея молчаніемъ, дѣвочка безсознательно-подозрительно взглянула на этого чужого, хорошо одѣтаго, красиваго и почему-то непріятнаго ей старика и повторила вопросъ.

Мать очнулась: дочь указывала ей на по-

Десятинная церковь

другъ своихъ, стоявшихъ въ сторонѣ и манившихъ ее къ себѣ.

— Да, да, — машинально отвѣтила она дѣвочкѣ, точно обрадовавшись, что та оставитъ ее одну при этой скользкой и жуткой встрѣчѣ съ челоукомъ, котораго она когда-то полюбила неизвѣстно за что, совсѣмъ почти не зная его и продолжала любить, хотя иногда и забывала его, принадлежала другому, случайно завладѣвшему ею, который сейчасъ былъ уже

полутрупомъ. „Поздно!“ — прозвонило гдѣ-то въ ней. „Поздно!“ — отвѣтило и въ немъ.

Дѣвочка, перебросившись нѣсколькими словами съ подругами, вернулась къ матери, и та съ нѣжностью прижала ее къ себѣ.

— Да, я уѣду нынче же, — сказалъ онъ. — Прощайте. Но дайте мнѣ слово, что если когда-нибудь что-нибудь нужно будетъ вамъ, вы напишете въ Парижъ. Вотъ мой адресъ, вѣрно же, адресъ одной французской компании, гдѣ я состою юрисконсультomъ для Балканъ.

Когда онъ очутился за церковной оградой, что-то похожее на раскаяніе, вмѣстѣ съ острой жалостью, охватило его. Не вернуться ли, не броситься ли къ ея ногамъ, умолять не оттолкнуть его, повѣрить, что для нихъ еще возможно настоящее счастье, какого ни онъ, ни она никогда не знали. А тотъ?

Что жъ, они оба будутъ заботиться о немъ. Онъ получилъ отъ нея за эти десять лѣтъ свое. Наконецъ, есть же право сердца на счастье у тѣхъ, которые не знали его.

Какъ странно, что онъ не сказалъ ей всего этого тамъ, въ церковномъ садикѣ, какъ только коснулся ея руки. Или то, что онъ почувствовалъ въ ту минуту, было выше такихъ словъ? Ему хотѣлось схватиться въ отчаяніи за голову, зарыдать, упасть на землю.

Но наперекоръ этому, какъ маленькая птичка на тюремномъ окнѣ, что-то нехитро и ласково пѣло, что такъ лучше, такъ лучше на этотъ разъ, и что эта птичка останется съ нимъ навсегда. Вспомнилась церковка... Гроза... Голубь въ окнѣ. Все родное и все такъ удивительно сочетавшееся съ ней. Въ ея образѣ, въ ея послѣднемъ взглядѣ онъ уносилъ въ своей душѣ на мгновеніе встрѣтившуюся ему здѣсь на чужбинѣ родину. Это было какъ-бы нѣкое чудо. Да, чудо. И за это надо было благословить судьбу, какъ за безцѣнный чистый даръ.

А. Федоровъ

„СВѢТЕ ТИХІЙ“

Всенощная въ лѣтній вечеръ, когда съ полей пахнетъ небурманное сѣно и свѣтлое весь день небо надъ сѣномъ густо румянится. Мнѣ десять лѣтъ, на мнѣ новый костюмчикъ, я стоялъ въ церкви рядомъ съ мамой у темноликаго образа.

Надъ головой было высокое окно съ рѣшеткой, и сквозь окно пахла травами вечерняя прохлада, и тихій свѣтъ еще незагасшаго дня шель въ темноту и сырость церкви.

Въ послѣднемъ солнечномъ лучѣ маленькая птичка чиркнула за рѣшеткой и, забивъ живыми крылышками, улетѣла... Надъ золотыми Царскими Вратами голубь въ серебряныхъ лучахъ никогда никуда не улеталъ; его лучи никогда не гасли, они были не изъ свѣта, а изъ металла.

...Пахло ельникомъ и ладаномъ, и восковыми теплыми свѣчами. На кованыхъ, сіяющихъ ризахъ отсвѣчивали огоньки лампадъ, и за броней золота и драгоценныхъ каменьевъ темноликіе святыя глядѣли на молящихся. Круглолицый, десятилѣтній, я съ жутью смотрѣлъ на тонконосые тонкоустые лики, съ очами такими большими и пристальными, изнуренными праведностью. На аналоѣ лежала раскрытая тяжелая, бархатная въ золотѣ книга, и на рыхлой, желтой, закапанной воскомъ бумагѣ витѣватыми буквами были написаны непонятныя святыя слова. Я плохо понималъ ихъ,

но чувствовалъ, что именно такими непонятными словами надо молиться, а не тѣми, которыми говорю за столомъ и съ мальчиками играя, и именно такими витѣватыми буквами они должны быть написаны, а не тѣми, что пишутся въ учебникахъ и простыхъ книжкахъ.

...Я пропустилъ слова священника и діакона, смотря на свѣчи и образа, когда на клиросѣ запѣли „Свѣте Тихій“. О свѣтѣ о тихомъ пѣли семь дѣтскихъ голосовъ въ хорѣ—семь круглоголовыхъ, стриженныхъ мальчиковъ, и тихій свѣтъ вечерній былъ въ церкви.

„Свѣте Тихій, Святыя Славы, безсмертнаго Отца Небснаго... Иисусе Христе. Пришедше на западъ солнца, видѣвше Свѣтъ вечерній... поемъ“...

А въ облакахъ, во Славѣ Небесной, сѣдой отъ вѣчности Господь-Отець смотрѣлъ изъ купола, а въ книгахъ было написано о томъ, Кто сошелъ со Славы Небесной, въ нищихъ одеждахъ шель въ поляхъ, пахнущихъ сѣномъ, излучая кроткую любовь, и былъ Онъ тоже Богъ.

„Свѣте Тихій, Святыя Славы“ пѣлъ клиросъ, и было въ словахъ этихъ больше, чѣмъ слова, — въ нихъ былъ закатный свѣтъ и тихій вечеръ, и Богъ заоблачный, и Богъ, сошедшій къ людямъ, и слава святая, и нездѣшніе звуки.

Л. ЗУРОВЪ

ВЫРУЧКА

Поднятая донской сотней пыль красноватый туманомъ стояла при безвѣтріи.

Лошади фыркали, офицеры дышали черезъ платки. Смолкли бубны и пѣсни. Когда вышли на твердый грунтъ, всѣ радостно вздохнули.

Ординарецъ генерала Радецкаго, поручикъ Пашковъ, плотный, слегка сутуловатый офицеръ, въ смокшемъ на лопаткахъ кителѣ, уже второй часъ, покачиваясь въ сѣдлѣ, видѣлъ впереди себя казачьи спины, неровно подстриженные затылки и шуриль глаза отъ нестерпимаго блеска мѣдныхъ трубъ.

Онъ провелъ двѣ ночи безъ сна. Вчерашній дневной маршъ при тридцатидевяти-градусной жарѣ былъ страшень. Растянувшіеся солдаты падали пачками.

Шли на выручку къ горному перевалу, откуда скакали съ воспаленными глазами ординарцы, докладывавшіе о недостаткѣ патроновъ, воды и объ отраженныхъ атакахъ; оттуда несли на носилкахъ, платкахъ и шинеляхъ истомленныхъ солдатъ съ запекшимися губами въ закопченныхъ бѣлыхъ рубахахъ, забрызганныхъ успѣвшею потемнѣть кровью.

Три часа проходили маленькое ущелье. Когда сѣрыя ребра скалъ разступились и открыли Шипку, куда бѣлая дорога вползала почти отвѣсно, стрѣлки полегли до одинаго, и на солнцѣ остались лишь кони и горная батарея безъ ѣздовыхъ.

Эхъ, горы, вершины, васъ увижу ль вновь?
Балканскія долины, кладбище удальцовъ.

(Солдатская пѣсня)

Генералъ Радецкій, бородатый и прямой, въ большой бѣлой фуражкѣ, съ биноклемъ, висѣвшимъ на груди, стряхнулъ рукою пыль съ бровей, разстегнулъ воротникъ кителя и спросилъ адъютанта:

— Который часъ?

— Два часа пополудни, — отвѣтилъ тотъ, прищурившись на загорѣвшееся золото.

Радецкій вспомнилъ, что на перевалѣ люди измучились въ бою, а не въ походѣ. Онъ, тронувъ коня, подѣхалъ къ головной части и сказалъ:

— Ну, съ Богомъ!

Снова двинулись стрѣлки. Черезъ каждые пятьдесятъ шаговъ они ложились, переводили дыханіе, вставали и вновь брели, со сдвинутыми набекрень кэпи. Коричневая грязь ползла по загорѣлымъ лицамъ и стекала съ косицъ волосъ.

До перевала осталось пять верстъ. Въ смутномъ шумѣ боя можно было угадать отдѣльные залпы. Шрапнельныя дымки золотились надъ вершинами.

— Подтянись, братцы! — кричалъ сѣдой майоръ съ бакенбардами, помахивая рукою съ коротенькой трубочкой. — Дѣтки вы мои, не давайте!

— Подтяни - ись! — перекатывалось отъ стрѣлка къ стрѣлку, замирало, и снова устало шель, потягивая головой, майоръ.

Подоль съ паперти Андреевской церкви

Стрѣлокъ въ холщевыхъ шароварахъ, въ порыжѣвшихъ, стоптанныхъ сапогахъ, въ замасленномъ кэпи, съ сухарнымъ мѣшкомъ за плечомъ, задыхался и тоскливо смотрѣлъ на фельдфебеля, скуластаго сѣдоусаго георгиевскаго кавалера. У росшаго при дорогѣ бука, онъ упалъ, попробовалъ приподняться, но, захрипѣвъ, уткнулся лицомъ въ пыль.

Фельдфебель остановился, поглядѣлъ на него и, махнувъ рукой, пошелъ, прихрамывая.

— Сильно солдатъ бѣдуетъ, — сказала казакъ. — Сколько пало — не перечесть.

— Подъ огнемъ такъ не рѣдѣли, — отвѣтилъ фельдфебель, скидывая кэпи, горстью отирая потъ. На его лбу вздулась жила.

— А васъ откуда двинули? — спросилъ казакъ.

— Съ Забалканской. Съ генераломъ Гурко ходили. Да не выпалъ отдыхъ.

— Эй ты, женихъ! — крикнулъ онъ, увидѣвъ молодого солдата, грызшаго сухарь.

— Слышь! Сухарикъ-то береги!

Стороной несли раненаго артиллериста.

— Гдѣ раненъ, землякъ? — спросилъ его кто-то.

Раненый повернулъ голову къ говорившему и тихо отвѣтилъ:

— На Стальной батарейкѣ. А вы, братцы, на подмогу?

— Да.

— Пить бы, братцы...

— Ну, конечно, — радостно сказалъ Пашковъ вслухъ. — Какъ я могъ забыть? — и онъ вспомнилъ розовощекаго молодого подпоручика

со Стальной батареи и ночь и разговоръ у костра.

Недѣлю тому назадъ онъ прибылъ на Стальную, подъ вечеръ, когда кончился бой. Ночь выдалась тихая, пламя солдатскихъ костровъ шло ровно вверхъ. Онъ поужиналъ кускомъ баранины и, подложивъ подъ голову сѣдло, легъ у костра. Спать не хотѣлось.

Отъ освѣщенной офицерской палатки доносился звонъ золота, хохотъ и отдѣльные выкрики.

— Вы на что ставите?

— Валета на пе!

— Бито! — сказалъ кто-то густымъ басомъ.

Денщикъ рубилъ на доскѣ котлеты; наводчики сидѣли у костровъ, подбрасывая сучья; вода въ манеркахъ булькая закипала; въ темнотѣ у коновязи била копытомъ застоявшаяся лошадь, и кто-то сипло кричалъ: „балуй“.

Пашковъ лежалъ, глядя на зарево, отъ многихъ костровъ поднимавшееся надъ турецкими позиціями, и на небо, полное звѣздъ. Пашковъ невольно вспомнилъ тихія звѣзды Россіи.

Тогда къ нему подошелъ тотъ простоволосый молоденькій артиллерійскій подпоручикъ; спросивъ разрѣшенія, подсѣлъ, и было въ его розовощекомъ по-мальчишески округломъ лицѣ, въ густомъ отросшемъ бобрикѣ и въ темныхъ кисточкахъ усомъ надъ уголками губъ, что напомнило Пашкову младшаго братишку кадета, который передъ прощаніемъ просилъ, чтобы войну безъ него не кончали.

— Простите, поручикъ... У меня къ вамъ большая просьба, — сказалъ артиллеристъ, сму-

щаясь. — Письма къ матушкѣ, и еще... Вы не откажетесь въ Габровѣ опустить?

Когда Пашковъ согласился, то мальчикъ принесъ вина, сыру, розоваго варенья — все свое несложное хозяйство. Когда они выпили, а пили изъ серебряной стопки съ чернью, подпоручикъ на мигъ задумался и доверчиво сказалъ:

— Вы знаете, поручикъ, можетъ быть это смѣшно, но у меня предчувствіе. Я сонъ видѣлъ странный. —

Онъ подсѣлъ ближе, открылъ портсигаръ и протянулъ его Пашкову.

— Казанлыкскій. Денщикъ раздобылъ.

— Нехорошій сонъ, — промолчавъ, продолжалъ онъ, глянувъ на Пашкова. — Будто-бы я домой къ матери приѣхалъ, а приѣздъ странный. Я здоровъ, ѣду не въ отпускъ и забылъ о войнѣ. Въ Россіи весна, и нашъ домъ такой же милый и всѣ живы, и я всѣхъ вижу, но никто не узнаетъ меня. И я бродилъ межъ родными, просилъ отвѣтить... Чертовски грустно стало.

Помолчавъ, онъ тихо добавилъ, поглядѣвъ на костеръ:

— Навѣрное, убьютъ.

— Э, бросьте, сны это такъ! — сказалъ нарочито весело Пашковъ. Но почему-то потяжелѣло у него на душѣ, и, свертывая папиросу, онъ бокомъ поглядѣлъ на артиллериста.

— Вы не подумайте... — сказалъ подпоручикъ, и его щеку, освѣщенную пламенемъ костра, залила краска. — Здѣсь смерти самыя честныя и славныя.

Пашковъ посмотрѣлъ въ его глаза, словно въ этихъ молодыхъ, блестящихъ отъ вина, глазахъ, онъ что-то хотѣлъ угадать. И отъ того ли, что Пашковъ вѣрилъ въ предчувствія, какъ вѣрило большинство офицеровъ, или потому, что онъ изнервничался, тоска усилилась, и онъ, поднявъ стопку, полушутя сказалъ:

— Ваше здоровье, полковникъ! За вашу молодость! — и, обсосавъ усы, добавилъ: — прекрасное вино.

— Нѣтъ, конечно, я въ свою смерть не вѣрю, — продолжалъ подпоручикъ веселѣе. — Я здоровъ, двухпудовки выжимаю и, правда, еще чертовски молодъ. — Онъ, наливъ стопку, улыбуясь и тряхнулъ головой. — На батарею меня любить. Потомъ какъ же убьютъ?.. — Знаете, — добавилъ онъ строго и тихо: — я вѣдь еще не знаю женщинъ.

Братскій монастырь и Академія

Звѣзда тогда сорвалась, прочертивъ блѣдно-голубую линію, и этотъ нѣжный свѣтъ, казалось, не сразу потухъ.

Будь это сказано въ ресторанѣ или въ офицерскомъ собраніи, Пашковъ разсмѣялся бы. Но теперь онъ вспомнилъ свою конченную молодость, женщинъ, съ которыми онъ жилъ, и послѣ которыхъ всегда оставалась гнетущая скука, свою бивуачную жизнь, давно умершую мать и то, что среди кутежей и

легкихъ связей онъ ни разу не любилъ, хотя съ дѣтства жила въ немъ потребность хорошей и чистой любви, которой онъ почему-то стыдился.

Пашковъ твердой рукой поднялъ стопку.

— За вашу невѣсту! — сказалъ онъ.

Подпоручикъ залпомъ выпилъ, потомъ, сильно сжавъ руку Пашкова, пригнулъ къ себѣ его голову, поцѣловалъ троекратно, и губы его были мягки и пахли виномъ.

Нѣсколько часовъ они провели у костра, и эти часы ихъ сблизили и связали. На слѣдующее утро Пашковъ уѣхалъ.

Зной палилъ.

Пашковъ разстегнулъ китель и вынулъ письма. Отъ пота конверты разбухли, и буквы слегка расплылись. Одно изъ нихъ было къ матери, а другое къ невѣстѣ.

— Свиныя я, — сказалъ про себя Пашковъ, и ему стало стыдно. — Вѣдь цѣлую недѣлю возилъ письма. — И онъ твердо рѣшилъ передать ихъ первому легко раненому офицеру, а, прибывъ на Стальную, увидѣть подпоручика и попросить у него прощенія.

На этомъ Пашковъ успокоился.

У турецкой караулки билъ фонтанъ. Радостно было смотрѣть, какъ на плитняковомъ днѣ водоема играло и змѣнилось солнце. Съдой генералъ въ маленькихъ сапожкахъ гармошкой плескалъ воду на лысую голову, фыркалъ и радостно смѣялся. У солдатской очереди росъ говорокъ и гоготокъ. Офицеры набирали воду въ фляги, а Пашковъ зачерпнулъ ее казачьимъ ведромъ и окунулъ въ него голову. Болгары наливали боченки для отправки на переваль. Подъ прохладнымъ орѣховымъ кустомъ казачьи офицеры тянули красное вино изъ глинянаго кувшина, закусывая сардинками; напившіеся солдаты лежали ничкомъ, уткнувшись

лицами въ траву, а другіе несли воду въ свои части, гдѣ ее хлебали ложками, какъ щи.

— Набирай впрокъ водичку-то! — покрикнувалъ фельдфебель, — на перевалѣ-то ее не найдешь!

Кони сотни стояли кучей, едва переводя дыханіе. Паръ валилъ отъ ихъ мокрой шести.

Черезъ десять минутъ, когда передняя колонна уже напилась, всадникъ, скакавшій отъ горы Св. Николая, поровнялся съ Радецкимъ, сдержавъ коня, выкрикнулъ задохнувшись:

— Ради Бога спѣшите! — и указалъ рукой на перевалъ.

Пашковъ дальнѣйшихъ словъ не слышалъ. Онъ увидѣлъ, какъ у Радецкаго дрогнуло лицо, и генераль, еще выслушивая донесеніе, приподнявшись на стременахъ, отдалъ приказаніе адъютантамъ:

— По конямъ! — крикнулъ высокій казачій генераль.

Офицеры начали поднимать роты. Строились казаки; къ своимъ частямъ бѣжали, подхвативъ ружье, стрѣлки. Адъютантъ поскакалъ къ горной батарее.

— А гдѣ же кони?

— Обозные!

Лошадей подвели, понукая.

Солдаты лѣзли на коней, по-мужицки, брюхомъ, долго бились, а потомъ тяжело перекидывали ноги, захватывали гривы и принимали ружья. Малорослый стрѣлокъ суетился, бѣгалъ кругомъ переступавшаго съ ноги на ногу коня.

— Эй, Гаврилычъ, подсади, — слезно просилъ онъ казака.

— Ну, держись, сѣрая кавалерія! — крикнулъ казакъ.

Радецкій взялъ рысь. Сотня вытянулась.

Позади загромыкала горная батарея. Нахлестывали. Первая пуля проняла высоко. Вторая щелкнулась о камень. Какой-то адъютантъ поклонился.

Эхо вздрагивало напряженно. Простумѣла граната и, завизжавъ, лопнула. Схватившись за грудь, упалъ на гриву казакъ. У кустовъ сотня спѣшилась.

— Ну, братцы, помни присягу! На выручку идемъ! Послужимъ Царю и Дону! — сказала молодой генераль.

Казаки перекрестились, разсыпались въ цѣпь, перебѣжали шоссе и, путаясь въ шашкахъ, хватаясь за выступы, полѣзли въ гору.

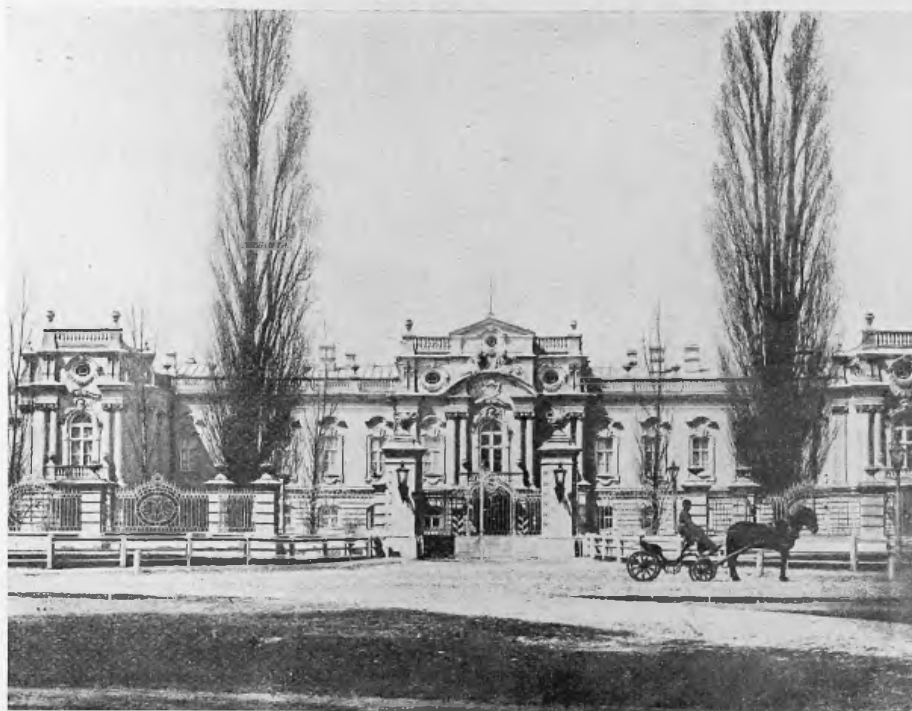
Радецкій съ коня смотрѣлъ на наши, окруженные дымами, голыя высоты, на глубокой лѣсной, перепоясанный дымами, турецкій оврагъ и, отрываясь отъ бинокля, что-то часто говорилъ сѣдому генералу. Турки обходили правый флангъ, двигаясь на давно прекратившую огонь тыльную батарею, которая подъ бѣлыми разрывами турецкихъ шрапнелей свозила на шоссе свои орудія. Было видно простымъ глазомъ, какъ тамъ, припадая къ землѣ и отстрѣливаясь, перебѣгая, отступала наша пѣхотная часть.

Раненые прибывали съ каждой минутой. Нѣкоторые шли, уныло опустивъ голову, опираясь на ружья, другихъ вели подъ руки. Около Радецкаго стоялъ стрѣлокъ, подобралъ подмышки рубаху, и охаль. Докторъ, ошупывая катавшуюся подъ кожей пулю, приговаривалъ:

— Тэксь, тэксь. Надо рѣзать.

Пашковъ, передавъ казачьему офицеру приказанія Радецкаго, остался въ цѣпи.

Казаки лежали за выступами утесовъ. Бухали рѣдкіе залпы берданокъ.

Царскій дворецъ

Фрески Софійського собора

Пам'ятник крещенія Руси

Дымъ отъ орудійной стрѣльбы стлался по покатости, закрывая ползущія турецкія цѣпи. На Стальной батарее артиллеристы отбивались штыками.

Пашковъ, лежа ничкомъ на горячемъ камнѣ, волнуясь куриль, почти безсознательно сдувалъ съ камня пепель и мучительно чувствовалъ свое крупное, полнокровное тѣло. Пули шлепались.

Стрѣлявшій рядомъ неожиданно прижался щекой къ прикладу берданки и замеръ. Пашковъ подползъ къ нему и, приподнявъ его голову, увидѣлъ пробитый лобъ, помутнѣвшіе глаза и почувствовалъ подъ рукой странную теплоту еще не успѣваго остыть мертвого тѣла. Пашковъ взялъ его берданку.

Сзади звонко заработала горная батарея. Надъ турецкой цѣпью поднялось нѣсколько взметовъ земли.

— Наша оттедова начала пуцать, — сказалъ слѣва, широко улыбнувшись, казакъ, — ишь, звукъ горами пошелъ.

Пашковъ поглядѣлъ на его вздернутый носъ, веснущатое лицо и улыбнулся.

— Извольте смотрѣть. Эвона тамъ, — показала казакъ рукой, — около шаши ползуть. Черти. Давай щелканемъ разомъ, ваше благородіе.

Пашковъ увидѣлъ новую цѣпь, спускавшуюся по зеленому скату, и всадника на сѣрой лошади.

— Я вотъ коннаго приложу, — добавилъ казакъ и, прищуривъ глазъ, выстрѣлилъ. Всадникъ пошатнулся, и его, подхвативъ, увели съ конемъ за гребень.

— Молодецъ, — сказалъ Пашковъ.

— Радъ стараться! — гаркнулъ казакъ, оскаливъ бѣлые зубы.

Стѣнопись во Владимирскомъ соборѣ

Раскалились берданки. Казаки начали поглядывать назадъ и отбирать у убитыхъ патроны. Стальная батарея уже умолкла. Потухли ружейные выстрѣлы на Николаѣ. Только звенѣли, разрываясь, гранаты, дребезжа пѣли турецкіе рожки, и слышно было, какъ на далекихъ батареяхъ, отбивая штыковые атаки, орловцы кричали ура.

Наши! — радостно кто-то крикнулъ.

Бухнуло орудіе, другое.

Снаряды, визжа, полетѣли въ турецкую сторону. Съ гикомъ и свистомъ на обозныхъ и казачьихъ лошадяхъ скакала по шоссе пѣхота.

— Ура! — вставъ во весь

ростъ, крикнулъ казачій офицеръ.

Крикъ подхватили. Забили веселѣ берданки. Казаки поднялись и побѣжали впередъ. Пашковъ, стрѣляя на ходу, увидѣлъ, какъ стрѣлки, побросавъ коней, дружно полѣзли на уступы.

Съ далекихъ осажденныхъ вершинъ донесло ура, замелькали бѣлые хлопья фуражекъ. Турецкія цѣпи отступали.

Стемнѣло.

Еще дышали зноемъ раскаленные за день камни, но уже отъ горъ тянуло прохладой, полосы тумана вставали въ лощинахъ, и былъ четокъ стукъ копытъ и звонъ далекаго ручья.

Пашковъ ѣхалъ стороной съ казакомъ. Кони часто, вытягивая шею, храпѣли. Казакъ, скидывая шапку, крестился. Доносились стоны.

— Раненые лежатъ, ваше благородіе.

Зашумѣлъ буковый лѣсокъ, когда подъѣзжали къ Стальной батарее.

Еще стрѣляли. Острые языки огня рвали тьму, и легкія малиновыя зарницы ширились

надъ верхушками лѣса. Нервные ружейные выстрѣлы коротко и отрывисто пощелкивали.

Въ пѣхотныхъ окопахъ послѣ трехдневнаго боя вповалку спали стрѣлки, раскинувъ руки и ноги.

У сѣдловины Малаго Николая штабъ спѣшился.

Пашковъ, слегка задохнувшись, поднялся вслѣдъ за Радецкимъ на брустверь. По откосу валялись убитые турки, груды укрѣпленій были разметаны, орудія были сдвинуты, а дуло одного подбитаго торчало вверхъ. Пашковъ не узналъ мѣста костровъ и офицерскихъ палатокъ: тамъ, гдѣ раньше были кусты и зелень, теперь чернѣла разрыхленная, какъ вспаханное поле, земля, и въ ней вязла нога. У коновязи жалобно ржала, силясь вырваться изъ упряжи, раненая лошадь.

Къ Радецкому подошелъ офицеръ. Онъ былъ простоволосъ; его мундиръ былъ разстегнутъ, а штаны разодраны. Голенище одного сапога было срѣзано, и икра замотана тряпкой. Онъ замеръ передъ Радецкимъ. Пашковъ увидѣлъ лихорадочные глаза на почернѣвшемъ отъ гари лицѣ артиллериста.

— Ну, что у васъ? Какъ тутъ? — спросилъ мягко Радецкій.

— Очень много убитыхъ, — отвѣтилъ тихо офицеръ, и была въ его словахъ смертельная усталость отъ крови, огня и разрывовъ.

Старый артиллерійскій генералъ, стоявшій рядомъ съ Радецкимъ, началъ сморкаться.

У орудій лежало десятка два артиллеристовъ. Нѣкоторые на шинеляхъ лицомъ вверхъ.

— Устали люди, — сказалъ адъютантъ въ кавалерійской фуражкѣ.

— Эти семнадцать... — сказалъ артиллеристъ — наводчики. Убиты подъ вечеръ. Всѣ были у меня наводчиками. — Голосъ его дрогнулъ.

Адъютантъ перекрестился.

Штабной майоръ, покашливая, началъ осматривать трупы, а старый артиллерійскій генералъ ходилъ межъ ними, держа снятую фуражку въ рукѣ, безмолвно кланялся каждому, и по лицу его катились слезы.

Когда Радецкій ушелъ, Пашковъ подошелъ къ артиллеристу.

— Вы меня не узнаете, — началъ Пашковъ. — Я у васъ на батарее бывалъ...

— Да, да... — силясь припомнить, устало отвѣтилъ артиллеристъ.

— Скажите, гдѣ мнѣ найти подпоручика вашей батареи?

— Подпоручика... — повторилъ артиллеристъ.

— Да ихъ было нѣсколько.

— Самый молодой, недавно выпущенный, голова ежикомъ, — сказалъ Пашковъ, переступивъ съ ноги на ногу.

— Ахъ, вы про Сашу, — какъ бы проснувшись, сказалъ артиллеристъ грустно и любовно. — Саша тамъ.

Они прошли за батарею. Артиллеристъ слегка волочилъ контуженную ногу.

За кострами на пригоркѣ работали солдаты. Артиллеристъ подошелъ къ лежащей на землѣ опрокинутой палаткѣ и приподнялъ полотнище за край.

Подпоручикъ Саша лежалъ рядомъ съ рыжимъ незнакомымъ офицеромъ. Взшедшая луна освѣтила его блѣдное лицо и полуоткрытый ротъ съ блескомъ сжатыхъ зубовъ. Ноги его въ сапогахъ были раскинуты. Рука лежала на груди у разстегнутаго ворота. У виска темнѣлъ сгустокъ.

Пашковъ, перекрестившись, отошелъ.

Ощупавъ шуршащія въ карманѣ письма, онъ отъ гнетущей скуки еще ниже опустилъ голову и горько подумалъ, почему именно нуженъ былъ онъ, маленькій Саша.

— Что вы, Пашковъ, приуныли? — подойдя къ нему, спросилъ майоръ.

— Усталъ, — коротко отвѣтилъ Пашковъ и отвернулся, чтобы скрыть лицо.

— Ничего - съ, — сказалъ майоръ, взявъ Пашкова подъ руку. — Ударимъ по горилкѣ, Пашковъ! Нутро согрѣтъ!

Майоръ былъ толстъ, сѣдъ, и шель, слегка задыхаясь, покуривая незатѣйливую кручонку.

— Эхъ, Саша, Сашенька, — подумалъ Пашковъ.

На красно-золотистый щитъ мѣсяца надвигалась тѣнь. Поднимался вѣтеръ.

Л. Зуровъ

Аскольдова могила

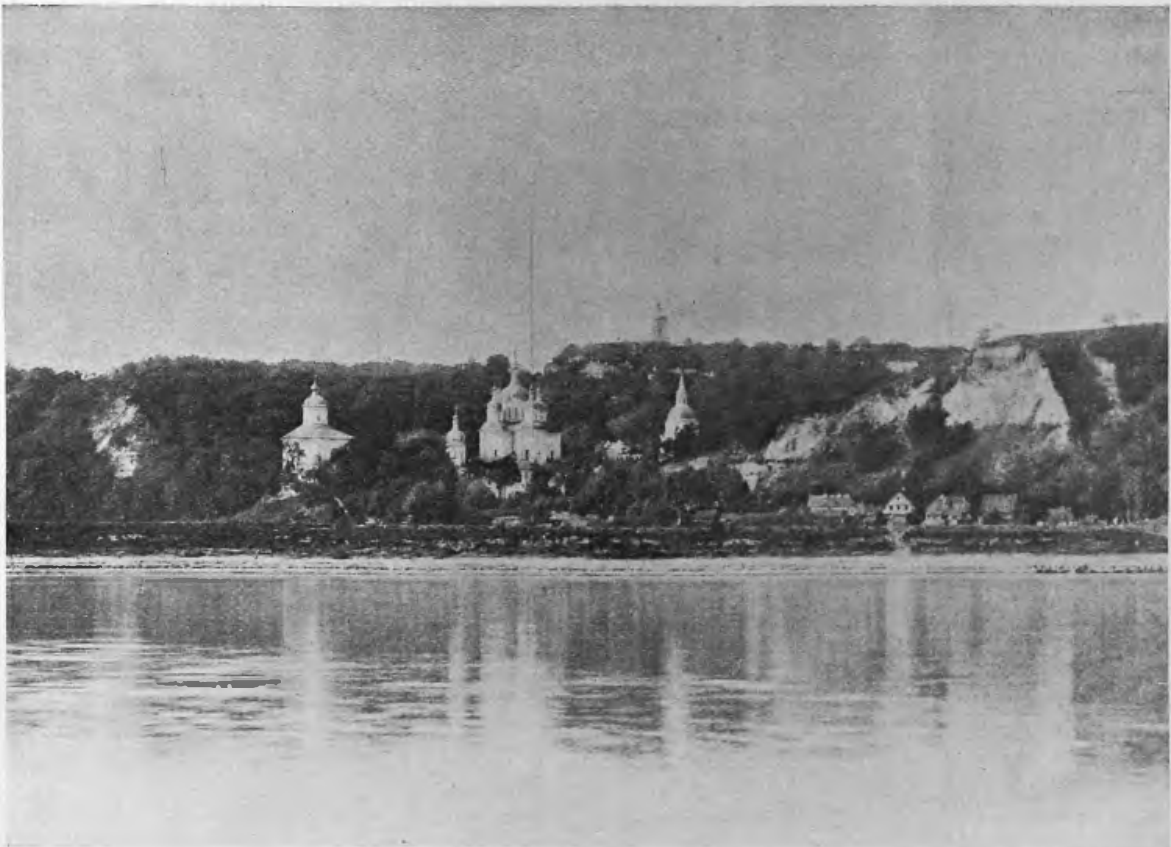
С. ЛИССИМЪ

„ВЛАДИМИРОВЪ КІЕВЪ“

Бибиковскій бульваръ

Выдубицкій монастирь

Ли́ра

Бандура

ЕВГЕНИЙ ЧИРИКОВЪ

ЗАБЫТЫЙ „ПѢВЕЦЪ ВОЛГИ“

Памяти поэта Д. Н. Садовникова

Во всѣхъ концахъ свѣта и на всѣхъ языкахъ поютъ теперь хоры и наигрываютъ оркестры русскую волжскую пѣсню про Стеньку Разина:

Изъ-за острова на стрежень, на просторъ рѣчной волны
Выплываютъ расписные Стеньки Разина челны...

И никто, за малыми исключеніями, не знаетъ имени автора этой прекрасной пѣсни. И никто не знаетъ, что написавшій эту пѣсню поэтъ, несмотря на то, что умеръ всего 35 отъ роду, — оставилъ намъ множество другихъ перловъ

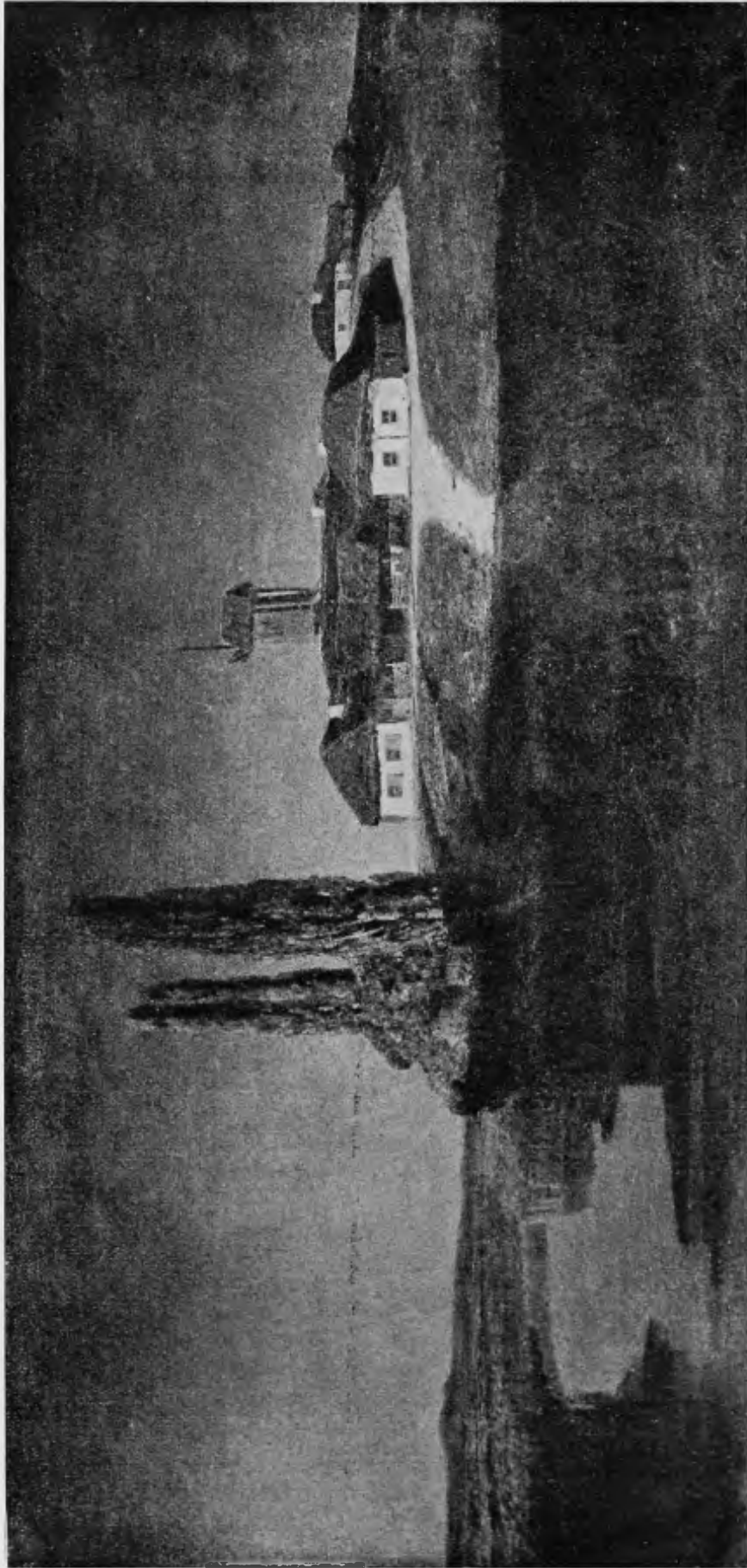
подлинной поэзіи, посвященной главнымъ образомъ легендамъ и сказкамъ нашей родной національной рѣки, Волги-матушки... Мы небрежливы и расточительны, не хранимъ и не цѣнимъ своихъ творческихъ драгоценностей. Сколько у насъ позади разбросано незаслуженно забытыхъ писателей, артистовъ, художниковъ! Сколько безкrestныхъ могиль!..

Въ числѣ ихъ оказалась и могила Дмитрія Николаевича Садовникова.

Сколько искренняго горя, тоски по утраченномъ поэтѣ

Старый городъ

Украинская ночь

пролилось когда-то въ печати надъ свѣжею могилой его въ серединѣ 80-хъ годовъ! Вотъ отрывокъ этихъ скорбныхъ словъ: „Въ его пѣсняхъ, сказкахъ и легендахъ — духъ русскаго народа. Его вѣчно-живые образы воскресли во всей своей свѣтлой печали, со всѣмъ своимъ то удалымъ, то мрачнымъ юморомъ. Потеря его для насъ тяжела теперь, потеря для народа осознается послѣ! Родись онъ на французской, нѣмецкой или англійской почвѣ, талантъ и имя его давно уже горѣли бы яркой звѣздой!“

А мы и знать не хотимъ. Мы вообще не любимъ своего прошлаго. Правда, въ данномъ случаѣ есть какъ будто бы оправдывающія обстоятельства: поэтъ умеръ, не успѣвши собрать въ книги свои произведенія, разсыянные во множествѣ разныхъ журналовъ, толстыхъ и тонкихъ („Сѣверная пчела“, „Вѣстникъ Европы“, „Истор. Вѣстникъ“, „Русская Старина“, „Русская Мысль“, „Слово“, „Искусство“, „Вѣкъ“, „Бесѣда“, „Волжскій Вѣстникъ“ и пр.), но что могло помѣшать намъ почтить память выдающагося безвременно скончавшагося поэта изданіемъ книги хотя бы лучшихъ его произведеній?

Необъятна и глубока „пучина русскаго забвенія“! Тяжелый урокъ исторіи, научающій насъ любить свою родину, свое прошлое, съ его драгоценностями родной національной культуры, — возлагаетъ на насъ обязанность извлекать изъ этой „пучины“ все достойное жить въ памяти русскаго культурнаго человѣка. А Д. Н. Садовниковъ — одинъ изъ немногихъ пѣвцовъ нашей національной старины и нашей національной рѣки Волги, главной строительницы нашего русскаго царства-государства... Вотъ какъ онъ обращается къ своей родной рѣкѣ:

Тебѣ несу стихи, рѣка моя родная, —
Они навѣяны и созданы тобой —
Мелькали предо мной, окраскою сверкая,
Какъ рыбки вольныя сверкають чешуей...
Просторъ песковъ твоихъ, лѣсовъ живыя краски,
Разливы вешніе ликующей воды
И темныхъ Жегулей преданія и сказки
На нихъ оставили замѣтные слѣды.
Я выросъ близъ тебя, среди твоей природы,
На берегахъ твоихъ я рѣчь свою коваль,
Въ затишьи вечеровъ и въ шумѣ непогоды,
Когда, сердитая, ты разгоняла валь...

Есть у Д. Н. Садовникова немало прекрасныхъ лирическихъ стихотвореній, какъ напримѣръ, „Лѣтняя сказка“ или „Сонъ“, „Пѣсня колосистой ржи“, но все же фундаментомъ его творчества является волжская старина, сказка, легенда, преданія исторической фантазій русскаго человѣка, по рѣкѣ Волгѣ завоевывавшаго свое царство. По происхожденію своему онъ былъ волжанинъ, на Волгѣ родился (Симбирскъ), на Волгѣ прошло его дѣтство и ранняя юность и на Волгѣ провела большую часть своей жизни.

Онъ весь пропитанъ Волгой. Поэтому лучшая и большая часть его произведеній неразрывно съ Волгой связана.

Однимъ изъ излюбленныхъ героевъ поэта въ его волжскихъ легендахъ является Степанъ Разинъ. Получившая все-свѣтную популярность пѣсня про Стеньку Разина и княжну далеко не изъ лучшихъ.

Желая дать вамъ возможность хотя немножко почувствовать душу творчества Д. Н. Са-

довникова, я познакомлю васъ въ выдержкахъ съ легендой „Зазноба“. Однажды „зазнобила атамана, отучила ото сна раскрасавица Алена-чужемужняя жена“. Атаманъ нарядился купцомъ и сталъ, подѣ страхомъ поимки и казни, ходить по по саду мимо оконъ „зазнобушки“.

Мужъ сидитъ въ ряду Гостинномъ
Да алтынамъ счетъ ведетъ,
А жена одна скачаетъ,
Тонко кружево плететь.

Стенька ходить, рѣчь заводить,
Не скупится на слова,
У Алены сердце бьется,
Не плетутся кружева...

На груди ея высокой
Такъ и ходить ходенемъ
Перекатный крупный жемчугъ
Съ золотистымъ янтарею...

Что ей молвить? Совѣсть зазреть
Слушать лестныя слова,
Страхомъ за сердце хватаетъ,
Какъ въ туманѣ голова...

Однако Алена не сдается на ласковыя слова. Атаманъ встряхнулъ голову:

Ну, коль этакъ — молвить Стенька —
Такъ на чью-нибудь бѣду
Я, непрощенный, сегодня
Ночью самъ къ тебѣ приду!

Сказано — сдѣлано. Пришла ночь...
Плохо спится молодцуѣ.
Полночь близко. Чу! сквозь сонъ
Половица заскрипѣла...
Неужели это — онъ?!

Крадется Стенька, хватаетъ ее за руки, жметъ къ сердцу...
— Что ты дѣлаешь, разбойникъ!
Ну, проснется? Закричитъ?
— Закричитъ — такъ живъ не будетъ,
Пусть-ка лучше помолчитъ!

Не ошублась ты словечкомъ, —
Что вводитъ тебя въ обманъ:
Не купецъ, казакъ я вольный,
Стенька Разинъ атаманъ!
Ловко Стеньку ты поймала,
Такъ держи его, смотри,
Бѣлыхъ рукъ не разнимая,
Вплоть до утренней зари!..

Немало сдѣлалъ Д. Н. Садовниковъ въ литературѣ и какъ этнографъ. („Жегули“, Усолье на Волгѣ“ и др.)

Закончимъ эту коротенькую памятку выдержкой изъ стиховъ поэта, смотрящаго въ глубину русской старины:

Но духъ людей, которымъ тѣсенъ
Казался міръ въ избыткѣ силъ,
Родной напѣвъ поволжскихъ пѣсенъ
Въ своемъ размахѣ сохранилъ...

Духъ русскаго человѣка сохранилъ, а поэтъ выявилъ его въ своемъ творествѣ. Такъ не забудемъ же и мы поэта и сохранимъ память о немъ для дальнихъ поколѣній если не всего русскаго народа, то хотя для Приволжскаго царства, имъ воспѣтаго!

Изъ книги Акафистъ Всеседмичный

Евгевій Чириковъ

Ежедневная газета
„Русское Время“

Национально-безпарт., непримиримая къ большевизму, иллюстр. газета
подъ редакціей АЛЕКСАНДРА ФИЛИПОВА и при уч. крупныхъ русскихъ и иностранныхъ пи-
сателей и журналистовъ.

Главное вниманіе газета удѣляетъ широкой постановкѣ информации.

Подписка принимается въ Главн. Конторѣ:

40, rue de Trévisse, Paris 9. Tel.: Province 52-65.

Подписная плата: За границей: на 1 м. — 23 фр., на 3 м. — 55 фр., на 6 м. — 105 фр., на 12 м. — 200 фр.

„ЗВЕНО“

иллюстрированный журналъ
литературы и искуc., основ.
М. М. Винаверомъ и П. Н.
Милюковымъ, выходящій
ежемесячно въ Парижѣ.

Для подписчиковъ „Послѣднихъ
Новостей“ льготныя условія.

Русскій Сокольскій Вѣстникъ.

Ежемесячный журналъ, посвященный интересамъ
Русскаго Сокольства за границей. Органъ „Союза
Русскаго Сокольства за границей“ и гимнастическаго
общества „РУССКІЙ СОКОЛЪ ВЪ ПРАГѢ“

Изд. „РУССКОЙ СОКОЛЬСКОЙ МАТИЦЫ“

Заключаетъ въ себѣ статьи идеологическаго и
историческаго характера, руководства для веденія
гимнастическихъ занятій, а также отдѣлы гигиены
и сокольской хроники.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА для

Ч. С. Р.: въ годъ 12 К. Ч., 1 экз. — 1.50 К. Ч.
Югославіи: „ годъ 20 лин. 1 „ — 2 динара
за границу: „ годъ 0,40 ам. дол.

Приемъ по дѣламъ редакціи по субботамъ
отъ 15 до 16 час.

Адресъ редакціи: Прага III. Тыршовъ Домъ.

Администрація: Изд. „ХУТОРЪ“, А. Г. Винни-
чукъ, Ч. С. Р., Прага, Жижковъ, Ягеллонская
ул. 24, тел. 50-0-26.

Въ издательствѣ «Мѣдный Всадникъ»

„БѢЛОЕ ДѢЛО“

Лѣтопись бѣлой борьбы,

содержащая въ себѣ материалы, собранные и обработанные барономъ П. Н. Врангелемъ, геро-
гомъ Г. Н. Лейхтенбергскимъ и свѣтл. княземъ А. П. Ливинимъ. Адресъ редакціи: Berlin,
W. 15, Lietzenburger Str. 43 IV.

Въ 1-ой книгѣ: воспоминанія барона П. Н. Врангеля, В. В. Марушевскаго, К. К.
Смирнова, А. П. Степанова; впечатлѣнія отъ недавней нелегальной поѣздки въ Совѣтскую
Россию — В. В. Шульгина, документы изъ архива генерала М. В. Алексѣева и др.

Во 2-ой книгѣ: Быховскій альбомъ (факсимиле), возникшій въ періодъ нахождения
будущихъ вождей бѣлой арміи въ [] овской тюрьмѣ; записки В. В. Марушевскаго, кубанскаго
атамана А. П. Филимонова; вое [] истаивателя въ Константинополь В. П. Агапѣва; И. Г. Аку-
линина — о трагич. эпопеѣ уральскаго казач. войска и др.

Содержаніе третьей книги: Образование Сѣверной области — С. Н. Городецкій.
Годъ на Сѣверѣ (Часть III — окончаніе) — В. В. Марушевскій. Смѣшное въ страшномъ — А. П.
Врагинъ. Съ Корниловымъ — С. М. Пауль. Бредовскій походъ — Б. А. Штейфонъ. Два воз-
станія — А. Я. Гутманъ (Анатолій Ганъ). Въ Южной Прибалтикѣ (1919 г.) — Свѣтл. князь
А. П. Ливень. Передъ занятіемъ Риги — Д. Н. Потонкід. Взрывъ пороховаго погреба — Г.
Н. де-Тиллотъ. Въ пасти че-ка — Атаманъ Дергачъ. Рѣчь генерала Айронсайда 12-го ноября
1918 года. Бесѣда съ англ. посланникомъ Линдлеемъ. Рапортъ офицера, командированнаго 23
февраля 1920 года изъ Константинополя на Бугазъ. Письмо въ редакцію объ обстоятельствахъ,
сопровождавшихъ выдачу адмирала Колчака.

Цѣна 1 дол. 75 ам. цент. за книгу.

6 г. изд.

6 г. изд.

Современныя записки.

Вышелъ т. XXXII.

Цѣна книги — 20 франк., 1 ам. долл., 34 чеш. кроны.

Адресъ редакціи и конторы: 9-bis, rue Vineuse, Paris (16).

Главный складъ: „Plamja“ — Praha, Jeřna 32, Tschechoslovaquie.

Представительство въ Германіи: „Rodina“, Berlin, W 50, Regenburgerstrasse 13

Представительство во Франціи: La Source, 9-bis, rue Vineuse. Paris 16. Tel. Passy 39-61.

6-ой год издания

„ВОЛЯ РОССИИ“

ПОД РЕДАКЦИЕЙ:

В. И. Лебедева, М. Л. Словима,
Е. А. Сталинского и В. В. Сухомлява.

ЦЕНА НОМЕРА:

в Европе — 50 цент., в Америке, Японии и Китае — 80 цент.

— АДРЕС РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ: —
Administrace Časopisu „VOLJA ROSSII“
Praha, Uhelny trh 1, tel. 9802.

Своими Путиами

Подъ редакціей:

Н. А. Антипова, А. А. Воеводина,
П. М. Вжесияскаго и С. Я. Эфрона.

Журналъ богато иллюстрированъ.

Цѣна въ Чехословакии — 8 кр. ч.,
заграницей — 25 амер. центовъ.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ:

- 1) Tschechoslovaquie, Praha-Vinohrady, Nerudova, č. 48,
- 2) Tschechoslovaquie, Praha-Vinohrady, Pošta, pošt. schr. 37.

6-ой годъ изданія.

„ГОДЫ“.

Изд. ОРЭСО подъ ред. А. А. Валентинова - Ланге, М. С. Ильяшевича, Г. Э. Флоріанскаго, И. Л. Черкесова

Цѣна отдѣльнаго номера 5 кр. ч., 6 номеровъ за годъ—24 кр. ч., за границей—15 амер. цент.

Контора и ред.: PRAHA II, Porič 24.
Гл. представительство: „Пламя“, Praha, II Jeřna 32.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
на журналъ

„Путь казачества“

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ

	на 1 мѣс.	на 3 мѣс.
Въ Чехословакии	5 кронъ	12 кронъ
Во Франціи	3 франка	8 франковъ
Въ Сербіи	7 динар.	18 динар.
Въ Болгаріи	10 лев.	25 лев.

Адресъ редакціи и конторы журнала:

Tchécoslovaquie, Praha II, Lazarska ul. č 10, IV p.

IV годъ

IV годъ

„Казачій Сполохъ“

ЛИТ.- НАУЧНО - ПУБЛИЦ. ЖУРНАЛЪ

въ Прагѣ Общеказачьей
студенческой станицей подъ ред.

М. Гребенникова, Л. Коколевскаго,
И. Колачова и И. Кохановскаго

Цѣна №№ 1, 2-3, 4-5, 6-7, 8 и 9 по 2 ч. кр.
№ 10 (февр. 1927 г.) — 5 ч. кр.

Читайте „ИЛЛЮСТРИРОВАННУЮ РОССИЮ“

Если вы хотите быть в курсе злободневных событий — читайте „Иллюстрированную Россию“.
Если вы любите изысканную русскую литературу — читайте „Иллюстрированную Россию“. Ея сотрудниками являются самые крупные современные писатели.

Если вы желаете не только знать, но и видеть, как живет теперь в России, читайте „Иллюстрированную Россию“.

Если вы интересуетесь бытом русской эмиграции в различных странах — читайте „Иллюстрированную Россию“.

Если вам хочется отдохнуть, посмеяться беззлобным смехом, читайте „Иллюстрированную Россию“, — вы найдете в ней веселый отдел сатиры и юмора.

Если у вас есть дети, и вы заботитесь о них — подпишитесь на „Иллюстрированную Россию“. В ней есть специальный отдел с рассказами, шутками и шарадами для детей.

Если вы следите за модой, интересуетесь парижскими новинками, подпишитесь на „Иллюстрированную Россию“. Она внимательно следит за переменах в этой области и дает своим читателям фотографические снимки последних парижских моделей.

Подписка принимается в конторы журнала, по адресу: Administration de Journal „La Russie Illustrée“; 37 rue, de Moscou. i aris VII.

Условия подписки: на 1 годъ 140 франц. франковъ, на 1/2 года 75 франк., на 3 мѣс. 40 франк., на 1 мѣс. 15 франк. Розничная цѣна № в Латвіи съ 1-го августа 30 латв. руб.

ВОЗРОЖДЕНИЕ

ОРГАНЪ НЕЗАВИСИМОЙ РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ МЫСЛИ
НАИБОЛѢе РАСПРОСТРАНЕННАЯ ЗА РУБЕЖОМЪ ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

3-ий годъ изданія

2, rue de Sèze. Paris IX. France.

Редакторъ: Ю. Ф. СЕМЕНОВЪ.

ВОЗРОЖДЕНИЕ имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ въ крупнѣйшихъ мировыхъ центрахъ и во всѣхъ пунктахъ сосредоточенія русской эмиграции, а также въ сов. Россіи. Поэтому ВОЗРОЖДЕНИЕ является газетой наиболѣе освѣдомленной о русской жизни за границей и въ Россіи.

ВОЗРОЖДЕНИЕ даетъ разнообразный матеріалъ, способный удовлетворить самую широкія массы читателей. Помимо большой, разнообразной информации, каждый номеръ ВОЗРОЖДЕНИЯ даетъ рядъ серьезныхъ статей, два-три фельетона и непременно очередной отрывокъ какого-нибудь романа современнаго автора.

ВОЗРОЖДЕНИЕ помѣщаетъ также иллюстраціи изъ русской зарубежной жизни и карикатуры лучшихъ русскихъ карикатуристовъ.

ВОЗРОЖДЕНИЕ является наиболѣе распространенной за рубежомъ русской ежедневной газетой, почему помѣщеніе объявленій на страницахъ газеты есть лучший способъ для объявителя достигнуть цѣли. Печатный тарифъ объявленій высылается бесплатно.

Справочный отдѣлъ при газетѣ обслуживаетъ русскихъ бесплатно.

Книжный магазинъ при газетѣ выполняетъ заказы на всѣ заграничныя изданія.

Издательскій отдѣлъ при газетѣ уже выпустилъ цѣлый рядъ книгъ: Ив. Шмелевъ. Солнце мертвыхъ, Человѣкъ изъ ресторана, Степное чудо. Ген. П. А. Половцовъ. Дни затменія. Евг. Чириковъ. Мой романъ. В. Новиковъ. Фашизмъ. Бор. Суворинъ. Фазанъ. Илья Сургучевъ. Эмигрантскіе рассказы.

Представительство Газеты „Возрожденіе“

Латвія M-r Petzholz. 16, Skunu iela. Riga.
Литва B-ve „Spauda“. Laisves Aleja 76. Kaunas.
Финляндія Herrn Tavaststjerna. Ostre Brunsparken 22, lok 7, Helsingfors.
Эстонія M-r Tobon. Goldschmiedestr. 8- Tallinn.

Цѣна подписки съ 1 и 16 числа каждого мѣсяца:

	1 мѣс.	3 мѣс.	6 мѣс.	12 мѣс.
Латвія	4 lat	9 lat	16 lat	30 lat
Литва	8 lit	20 lit	35 lit	65 lit
Финляндія	35 mrk	80 mrk	150 mrk	275 mrk
Эстонія	300 mrk	700 mrk	1300 mrk	2500 mrk

Не откладывая, сейчасъ же спѣшите подписаться на Возрожденіе, которое будете получать ежедневно непосредственно изъ Парижа.

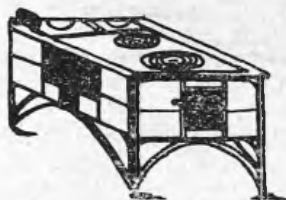
Если вамъ дорого Русское націон. дѣло, привлекайте среди вашихъ друзей и знакомыхъ подписчиковъ.

Нужны энергичные агенты по сбору объявленій и распространенію газеты.

Условия высылаются по первому требованію.

Г. ЛУТЦЪ

Гертрудинская № 50

Экономическія печи, плиты, лежанки
въ большомъ выборѣ.

Исполненіе всевозможныхъ печныхъ
работъ.

Требуйте вездѣ
паркетный воскъ

„БОСТОНЪ“

Лучшее средство
для крашенныхъ половъ,
паркета, линолеума и мебели.

Главный
складъ: **Г. Сидѣльскій и Ко.**
Бл. Королевская 12.

ГОЛОСЪ МИНУВШАГО

на чужой сторонѣ.

Журналь исторіи и ист. литературы
подъ редакц. С. Мельгунова и Т. Полнера.

Вышла изъ печати ПЯТАЯ книга.

СОДЕРЖАНІЕ:

Л. В. Толстой. Дневникъ 1855 г. — А. А. Кизеветтеръ. Франтишекъ Палацкій — А. И. Деникинъ. Изъ прошлаго русской арміи: въ Академіи. — Ю. Н. Давидовъ. Изъ моихъ воспоминаній. — В. Л. Горнъ. Нѣмецкая оккупация Псковской губернии. — Д. И. Дорошенко. Гетманство 1918 г. на Украинѣ. — И. Г. Савченко. Зеленая Кубань (изъ записокъ повстанца). — Ф. М. Достоевскій. Письмо В. А. Алексѣеву. Сообщилъ Ф. Побѣдняскій. — С. Г. Ширяевъ. Письма П. Л. Лаврову (о тактикѣ революціонной борьбы). Сообщилъ В. Л. Бурцевъ — Ла-Ферронеи. Донесенія о декабристахъ 1825 г. Сообщилъ И. П. Вакаръ. — М. Л. Гофманъ. Къ психологіи творчества Тургенева. — С. П. Мельгуновъ. Антисемитизмъ и погромы. — В. А. Розенбергъ. Единный редакторъ и мн. др.

Цѣна книги въ отдѣльной продажѣ: 1 ам. долл., въ Америку — 1.20 ам. долл.

Подписка съ пересылкой — на 3—5 книгъ (считая отъ любого номера) — по 1 долл. за книгу: за 6 книгъ — 5.50 долл.

Пріемъ подписки и складъ изданія: S-té „N. P. Karbasnikoff“ 23, rue de Richelieu, Paris (I).

Покупается и продается

стильная мебель, персидскіе ковры, хрусталь, старинное серебро, янтарь, всевозможн. античные предметы, сервизы, настоящіе тульскіе самовары и всевозможныя хозяйственныя принадлежности, иконы, кіоты и лампадки, разныя :: :: вещи для подарковъ :: ::

Б. Гобовичъ и Либерманъ

подъ фирмой

„ГЕРМЕСЪ“

Рига, Крѣпостная ул. 25 — тел. 21761.

Любители находятъ, что

СТРЕМЕРСА китайскій цвѣточный чай (этикетъ „Золотой танго-слонъ“) наивысшій по качеству и превосходный по аромату